ВВЕДЕНИЕ

Сколько хвалебных слов сказано за историю человечества о собаке — древнейшем спутнике человека, первом из одомашненных животных! А много ли в то же время предпринималось попыток понять, почему собака ведет себя так, а не иначе? Увы, человек, принимая услуги верного друга, упорно приписывал ему свое видение мира, свои привычки, объяснял его поступки по-своему.

Наука о поведении животных, об их взаимоотношениях со средой и друг с другом – этология – родилась менее ста лет, в первой четверти XX в. С тех пор ученые узнали много интересного о животных вообще и о собаках в частности.

Несмотря на развитие высоких технологий, человек до сих пор не может обойтись без помощи собаки. Так, в наше время, когда, кажется, все, что нуждается в охране, снабжено сложнейшей сигнализацией, спрос на караульных собак тем не менее не пропал. Собаки стоят дешевле, работать с ними в некоторых случаях оказывается проще и к тому же надежнее. Охранная сигнализация может сработать в магнитную бурю или потому, что на нее села муха. Собака же всегда отличит настоящую попытку ограбления от случайных факторов.

По-прежнему нужны собаки для работы в армии и милиции (полиции), а также на таможне и в спасательной службе. Ведь они могут искать все, чему их обучат, – от человека до взрывчатых веществ или наркотиков. Собака, «пронюхивающая» в аэропорту вещи, – привычная и обязательная картина, хотя ее работу проверяют еще и с помощью специальной аппаратуры. Столь же привычно стало видеть собаку на развалинах после землетрясений: количество их, увы, на нашей планете не уменьшилось, а сейсмологический прогноз не улучшился и, что самое печальное, дома разрушаются едва ли не чаще, чем в былые времена. Собаки же вместе со спасателями самоотверженно ищут тех, кто оказался погребен под обломками, стараясь обнаружить еще живых...

Разработаны методики обучения собак-геологов, чтобы с помощью собачьего нюха находить полезные ископаемые, и собак-газовщиков, чтобы вовремя обнаруживать утечку газа на магистрали. Сохраняется спрос и на собак-телохранителей.

Кроме традиционной службы – проводника слепых – сегодня собака помогает еще и глухим: слыша вместо человека, собака по-

своему обозначает полученные сигналы – обращает внимание хозяина на звонки в дверь и другие, важные для него звуки.

Используют собак и работники социальных служб, например, для реабилитации людей, выпавших по тем или иным причинам из человеческого социума. Как выяснили этологи, контакт с доброжелательным четвероногим другом может возбудить в человеке желание бросить пить или принимать наркотики, во всяком случае, попробовать вернуться к нормальной жизни. Такие программы применения собак существуют сегодня в мире, правда, у нас они пока не практикуются.

Еще один путь современного использования собак – терапия с их помощью. Четвероногих любимцев приводят для общения с аутичными детьми, или людьми, пережившими тяжелую психическую травму, или даже безнадежными больными. Собака, осуществляющая миссию милосердия, должна активно проявлять дружелюбие по отношению ко всем без исключения людям, несмотря на их, может быть, неадекватное и непривычное поведение. Когда человек гладит собаку, приятно не только ей: научно доказано, что он сам успокаивается и испытывает положительные эмоции. Дружелюбных собак (для этого годятся многие породы-компаньоны) специально приводят в клиники, и людям, которые лежат в них, общение с собаками дает почувствовать себя нужными. Им передается ощущение радости от общения и той любви, что испытывают к ним собаки.

Для детей с ограниченными возможностями в Москве есть школа обучения езде на собачьих упряжках «Полярная звезда», возглавляемая Еленой Поцелуевой. Дети в ней не только общаются с добрыми собаками Севера, любовь и привязанность животных помогают им достичь спортивных успехов.

Однако до сих пор многие люди, заводя четвероногих друзей, относятся к ним как к людям и не обретают гармонии взаимоотношений, требуя от собак того, чего они дать не могут, и в то же время никак не используют огромный потенциал возможностей, которые в них заложены.

Впрочем, человек и собака допускают... одну и ту же ошибку в отношении друг друга: человек для собаки – другая собака, а собака для человека – друг. Так, может, не принижая значения собаки, мы все оставим за ней право оставаться собакой?

Часть 1. ПОВЕДЕНИЕ В НОРМЕ. ТЕОРИЯ

Глава 1 ДЛЯ ЧЕГО НАМ СОБАКА?

«Странный вопрос!» – ответят многие и процитируют известную поговорку: собака – друг человека. А ведь поговорка эта, в сущности, ничего не выражает.

Моя бабушка любила говорить: «Во дворе ли, на цепи, собака – при деле. А в квартире зачем она? От нее шерсть, грязь». И когда нам пришлось съехаться, а бабушке – разделить жилплощадь с двумя ризеншнауцерами, для старушки чуть было не наступил конец света. Но не прошло и нескольких месяцев, как она начала всем объяснять, что наши собаки – самые умные, приводя этому совершенно неожиданные доказательства. То есть все поступки, совершенные ими (особенно по выцыганиванию лакомства), рассматривались бабушкой как доказательства их необыкновенных способностей. И когда старшая собака умерла (увы, век собачий короче человеческого), мы с бабушкой буквально осиротели... Как выяснилось, мы обе считали себя в присутствии этой собаки совершенно защищенными: я – в большей мере от опасностей реальных (скажем, нападения хулиганов, ограбления квартиры), а бабушка – от опасностей воображаемых (оставаться одной в квартире, где ***вдруг*** *что-нибудь случится).*

Однако далеко не все хотят заводить собак. Одни ссылаются на маленькую жилплощадь, другие на занятость – ведь с собакой надо гулять не меньше трех раз в день. Ни те, ни другие никогда не заведут четвероногого любимца. А те деревенские собаки, которые у них же «находятся при деле» – сидят на цепи или бегают по приусадебному участку, охраняя современный коттедж, – по сути, совершенно не нужны их владельцам. Их держат потому, что «так принято», потому что и у соседей собаки тоже имеются. Правда, и в городе собак иногда заводят из чувства «стадности». Но такие горе-владельцы совместного существования с четвероногими, как правило, долго не выдерживают.

Мы нисколько не хотим умалить практического значения собаки. Но все-таки... В первую очередь собака нужна человеку для другого. Об этом хорошо сказал австрийский биолог начала XX в. К. Лоренц: «Давайте... перестанем обманывать себя, говоря, что собака нужна нам для охраны нашего дома. Она дей-

ствительно нужна нам, но не в качестве сторожевого пса... В течение нашей жизни, почти кинематографически быстрой, современный человек время от времени хочет почувствовать, что он пока еще остается самим собой. И ничто не дает ему столько приятного подтверждения этого, как семенящие сзади четыре ноги».

Рассмотрим те формальные поводы, по которым человек заводит собаку. Интересные исследования в этом направлении провел В. В. Гриценко. Он опросил с помощью анкет около ста владельцев собак и получил следующие результаты:

для души – 65,7 % людей;
для охраны – 39,4 %;
как компаньона – 25,2 %;
в племенных целях – 17,1 %;
для детей – 16,1 %;
для других практических целей (например, проводника слепых) – 1 %.

Попробуем прокомментировать эти данные.

Что, например, означает «для души»? Очевидно, что люди, мечтающие о собаке «для души», не отметают человеческого общения, у них есть и друзья, и знакомые, но все-таки они нуждаются именно в «семенящих сзади четырех ногах».

Несмотря на способность собак охранять своего владельца, его дом и имущество, членов его семьи – порой даже ценой собственной жизни! – состоятельные бизнесмены, которым угрожает реальная опасность, обзаведутся скорее профессионально подготовленными телохранителями (что, впрочем, не всегда спасает их от столь же профессионально подготовленных киллеров). Разумеется, собака может «сработать» в случае неожиданного нападения хулиганов или грабителей: хорошо обученная действительно защитит, а просто крупная, грозного вида — отпугнет. Однако в надежной (но спокойной, а не агрессивной!) собаке в первую очередь нуждаются люди, не уверенные в себе, мучимые скорее иррациональными, чем реальными, страхами. То есть собака делает нас самих более уверенными в себе, а значит, помогает достичь большего жизненного успеха. А уж если сам хозяин бросился на защиту своего любимца – тут уж берегись любой злоумышленник! На Западе существует награда, которую получает владелец, вытащивший своего четвероного друга из безвыходной ситуации. В прессе, например, как-то промелькнуло сообщение, что водитель

грузовика победил... четырех человек, напавших на его маленького беспородного песика. (Не ясно, правда, чем нападающим так досадил этот песик.)

Чем собака-компаньон отличается от собаки «для души»? В сущности, ничем. Может быть, уровнем дрессировки. Слово «компаньон» пришло к нам с Запада. Это не охотничья и не служебная собака в нашем понимании. Это тот самый друг человека, который помогает своему владельцу переживать стрессы современного мира, будучи обучен лишь самым общим навыкам послушания. Правда, «компаньонами» называют также поводырей слепых, собак для глухих или собак для реабилитации людей с ограниченными возможностями. Этих собак специально обучают массе необходимых владельцу приемов. Мы бы отнесли эту категорию собак к разряду служебных. Но как назвать, к примеру, ничему не обученную собаку, принадлежащую пожилому человеку, которая скрашивает своему владельцу одиночество? Собакой «для души» или собакой-компаньоном? Существуют статистические выкладки, доказывающие, что люди, имеющие собак, живут дольше и меньше болеют, а больные переносят свои недуги легче и, уж по крайней мере, мужественнее: хоть болей, хоть не болей, а собаку выводить надо, как надо ходить и в магазин за продуктами для нее! Нам довелось слышать историю про одну старую женщину, которая сломала шейку бедра и которой врачи из-за ряда других «болячек» вообще гарантировали полную неподвижность до конца ее дней. Но они недоучли, что у женщины была маленькая собачка, поэтому женщина пролежала рекордно короткое время для ее болезни: как только она прослышала, что родственники поговаривают о том, что от собачки пора избавиться, она немедленно поднялась с постели и приступила к ежедневным прогулкам, от которых ей становилось все лучше и лучше!

В нашем обществе долго господствовало убеждение, что собака обязательно должна быть либо охотничьей, либо служебной, т. е. рабочей, а декоративных бездельники заводят исключительно «для забавы», и при этом не учитывалась эта самая функция – «для души». Потом это убеждение резко сменилось другим заблуждением, что на собаках можно разбогатеть. Насколько это неверно, человек понимал, получив первый же помет щенков. Купив дорогую породистую собаку, потратив огромные деньги на ее обучение и участие в выставках, он наконец получал возможность иметь от нее щенков. Вязка и ветобслуживание родов «съедали»

еще часть средств. И вот первый щенок продан! Ура! За треть той цены, на которую рассчитывал владелец... Пока ищется потенциальный покупатель на следующего щенка, остальные шесть (восемь, а то и одиннадцать!) бодро «съедают» вырученную сумму. Последних щенков владелец частенько предлагает даром и «в хорошие руки»... На Западе специалисты всегда говорили, что позволить себе разводить породистых животных может только очень обеспеченный человек. Для этого надо сначала разбогатеть, а потом уже заводить свой питомник и бороться за его репутацию и влияние своих производителей на породу в целом. Один-два производителя, кобель или сука, принадлежащие отдельным владельцам, как бы хороши они ни были, «погоды» в породе, как правило, не сделают. Так что будущее профессионального собаководства – за хорошими питомниками. Но для их содержания необходим тот уровень благосостояния, которого мы еще не достигли. А собак-компаньонов и собак «для души» как заводили, так и будут заводить бескорыстные владельцы.

Собак в племенных целях заводят профессионалы, посвятившие им всю жизнь. Это – хобби, соревновательность или своего рода творчество – получить животное, близкое к идеалу породы, а то и новую породу. Идеалом красоты и живым произведением искусства может стать как огромный дог, так и маленький тойтерьер.

То, что собаки, несомненно, полезны детям, не оспаривается никем. Собаки приучают к аккуратности, сочувствию, вырабатывают умение заботиться о других. Доказано, что дети, растущие с домашними любимцами, бывают более отзывчивыми и открытыми по сравнению со сверстниками. Правда, заводить собак для детей следует с определенными оговорками. Дети не должны относиться к ним, как к игрушкам, которые можно выбросить и заменить другими, и вместе с тем собаки не должны ложиться на их плечи непосильной ношей: ответственное отношение к собакам возможно ближе к подростковому возрасту, а до этого и за ребенка, и за собаку отвечают мама с папой.

Нет никакого сомнения, что и у взрослых, и у детей общение с собаками снимает страх и уменьшает стресс, а каждодневные прогулки в любую погоду и занятия дрессировкой улучшают состояние здоровья.

Можно добавить еще один мотив в пользу приобретения собаки. Й. Хейзинга, писатель, психолог и историк, назвал человека

Homo ludens – Человек играющий. И непонятный порой выбор породы при покупке собаки диктуется иногда осознанным, иногда нет стремлением «поиграть» в какую-либо ролевую игру. Например, ездовые собаки помогли людям выжить в суровых условиях Севера, совершить географические открытия, достичь полюса. И горожанин, который ездит на работу в трамвае, внезапно заводит маламута или чукотскую ездовую. Он втайне грезит о покорении ледовых просторов либо представляет себя эдаким первопроходцем или вообще Зорким Соколом.

Пекинесы, лхасские апсо, чау-чау или голая мексиканская собачка несут на себе отпечаток тайны древних цивилизаций. Завести их – значит приобщиться к этой тайне и хотя бы в фантазиях побродить по запутанным переходам давно разрушенных дворцовых покоев, представить себя восточной принцессой и бросить вызов жрецам, чтобы они не оказывали на императорскую власть слишком большого влияния...

Обучить послушанию или какому-либо виду службы крупную, устрашающую на вид собаку, вроде дога или мастифа, охотно берутся люди с сильным характером. Человек, сознательно избежавший службы в армии, неожиданно заводит немецкую овчарку: ведь охота на людей – увлекательнейшее занятие, и он вместе со своим питомцем азартно «прорабатывает» след, преследуя «злоумышленника» и чувствуя себя в этот момент суперменом, готовым на любые подвиги.

Трудно дрессируемых собак аборигенных пород заводят, как правило, либо профессионалы, которые считают сложности, связанные с их содержанием, прямым вызовом себе, либо люди с ярко выраженной исследовательской жилкой, так как ни одна заводская порода не задает столько загадок, сколько аборигенная. Мы не имеем в виду, когда «раскрученную» породу заводят исключительно из чувства моды, ничего о ней не зная.

Главное, чем мы обязаны собакам, – это обучение тонким эмоциональным взаимодействиям, которые могут пригодиться при общении с себе подобными.

Негативные факторы приобретения собаки

Они тоже есть. Иногда люди заводят собак, чтобы иметь рядом кого-то слабее и глупее себя. Чем больше подавляют таких людей не сложившиеся отношения в семье, работа или «мировая скорбь», тем больше они отыгрываются на своих питомцах. Такие отношения, естественно, заводят в тупик.

Люди с неуравновешенной психикой часто заводят крупных, потенциально опасных собак, чтобы за их счет производить впечатление на окружающих – казаться сильнее, чем они есть. Обычно это плохо кончается как для окружающих, так и для владельцев – собаки становятся неуправляемыми.

Люди, ловящие журавля в небе, меняют собак, как перчатки, не добившись успеха в разведении или обучении старых, – ведь это кропотливый труд, требующий к тому же постоянного совершенствования собственных знаний, – бросают их и привозят новомодные заграничные породы, получая тот же нулевой результат.

Клубная деятельность также является палкой о двух концах. В лучшем случае это общение с себе подобными, в худшем – реализация политических интриг, культивирование алчности, зависти. Но все в конечном счете зависит от человека. Обвальная коммерциализация кинологии в нашей стране привела к тому, что плохих собак – по экстерьеру и с дефектами поведения – стало так много, что это в значительной степени дискредитировало профессионалов в области генетики и дрессировки.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующий упрощенный вывод.

Чаще всего собак заводят три категории людей. Две из них – психологически неблагополучны, одна благополучна. К первой принадлежат люди, испытывающие одиночество в человеческом социуме. К ним следует относиться бережно и, так как собака все равно не заменит человека, стараться вывести их на нормальное общение. Вторую составляют люди агрессивные, неуравновешенные, жаждущие внимания и признания, причем любой ценой; они используют собак для подавления окружающих. Третья — это люди, для которых собака просто хобби или вид профессиональной деятельности. Они стараются как можно больше узнать о предмете своего увлечения и охотно общаются с теми, кто имеет подобное же увлечение.

Между тремя основными категориями существует множество переходных типов людей с разными характерами.

Как мы выбираем собаку?

Основным критерием выбора являются внешний вид породы и ее данные. Точнее, не реальные данные, а «имидж породы». И конечно, собственный вкус. Одним нравятся, скажем, собаки короткошерстные, другим – мохнатые. Для чего предназначена данная

порода, есть ли опыт в содержании животных, будет ли свободное время для занятий с собакой, позволят ли экономические возможности, семейное положение и квартирные условия держать ее? – все это часто отходит на второй план. Иногда собака вообще приобретается случайно. Пошел человек покупать корм для рыбок, увидел корзину с продающимися щенками, случайно взял в руки одного, тот лизнул его в нос, и... ах! Все, выбор сделан.

Так, у одной дамы сука ризеншнауцера родила восьмерых щенят. Когда им исполнилось полтора месяца, она начала распродавать их. Процесс шел со скрипом. Сначала ушел один щенок, потом второй... Третьего дама вручила собственной матери и отправила ее продавать щенка на Птичий рынок. Мать – человек не просто с высшим образованием, а преподаватель вуза – безропотно погрузила щенка в сумку на колесиках и покатила по улице к автобусной остановке... (Дело в том, что двухмесячный ризененок весил уже прилично и долго продержать его на руках было невозможно.) Вечером мать вернулась... с двумя щенками. Один – свой собственный, непроданный, второй – трехцветный шелти. «Мы весь день простояли рядом с женщиной, которая продавала шелти, – объяснила мать. – Никто не купил у нее ни одного щенка. Я взяла одного на руки. Ну и... Правда очаровашка? И просила она совсем недорого...» Что оставалось сказать хозяйке щенков?! «Мама! У нас вместе с сукой семь ризеншнауцеров!!!» – «Но я с детства мечтала о шелти!» – с обидой возразила пожилая женщина и, прихватив нового щенка, удалилась в свою комнату...

Иногда люди заводят модную или престижную породу. Одни по простоте душевной выкладывают большие деньги, надеясь, что те окупятся. Другие ищут что-то, чего они еще не видели. Вздымаются и падают волны увлечения питбулями, стаффами, ирландскими волкодавами... Популярность на них уменьшается не потому, что породы плохи, – представление о породах никогда не соответствовало реальности. Не все они оказались приспособлены к нашим условиям существования. Примерно на одном уровне остается спрос на кокер-спаниелей, пуделей, немецких овчарок. Первые – небольшие, с декоративной внешностью, обучаемые; вторые – эталон нашего представления о собаке вообще, легко дрессируемые; они неплохо вписываются в интерьер городской квартиры. «Раскручиваются» аборигенные породы. Вот тут-то и появляются подводные камни. Конечно, пластичная психика среднеазиатской овчарки позволяет ей приспособиться, в том

числе и к обитанию в городской квартире. Но ведь эта собака создана для перемещения по большим пространствам вслед за отарой или для охраны приусадебного участка. И далеко не каждый хозяин – а особенно хозяин-новичок – может с ней справиться! А на приусадебном участке заводят ротвейлера, чья шерсть позволяет переносить далеко не каждую русскую зиму... На улице пытаются держать даже стаффов! Широко известен ужасный случай, когда один из двух стаффов, содержавшихся на улице, выжил, потому что имел возможность двигаться, а второй замерз насмерть, пока хозяева встречали Новый год. И это называется «любовь к собакам»?!

На собачьей площадке, выгуливая двух ризеншнауцеров, я регулярно встречала хозяина с палевой кавказской овчаркой. Мои ризенушки и овчарка ненавидели друг друга. Правда, хорошо выдрессированные ризены только косили на «врага» глазом и шли рядом, а невоспитанная кавказская овчарка бешено рвалась с поводка, крутилась на месте, хватала зубами поводок, а то и руки хозяина. Заняться ее дрессировкой этому человеку не приходило в голову, а какое он получал удовольствие от ее содержания, до сих пор осталось для меня загадкой...

В целом выходит, что мы заводим не собаку как таковую, а свою мечту. Насколько она совпадает с жизнью – другой вопрос, для ответа на который нам в первую очередь не хватает знаний. *Очеловечивая собаку и не желая принять во внимание ее природные особенности, мы частенько оказываемся в тупике, из которого нет выхода*. Пара человек — собака бывает иной раз весьма странной, вызывающей недоумение. И наоборот, как же хорошо, если они гармонируют! Они не только доставляют удовольствие друг другу, но и создают благожелательную атмосферу вокруг себя.

Основные проблемы, с которыми сталкиваются владельцы собак

В первой главе мы увидели, как и для чего люди заводят собак и с что может случиться, если они ошибаются в выборе породы, неправильно оценивая свои способности и возможности.

С какими же проблемами в первую очередь сталкиваются владельцы собак?

Собака проявляет агрессию к хозяину, членам его семьи или другим людям.

Собака проявляет агрессию к другим собакам или другим домашним животным.

Собака портит вещи в квартире, роет норы в цветниках и грядках на приусадебном участке.

Собака убегает от хозяина во время прогулки.

Собака убегает из дома или с приусадебного участка.

Собака подбирает пищу с земли.

Собака гоняется за движущимися объектами – машинами, бегущими детьми, велосипедистами, лыжниками и т. д.

Собака постоянно лает или воет, оставаясь в квартире или на дворе одна.

Собака лает, визжит в подъезде и лифте, когда ее выводят погулять, или даже бросается на людей.

Собака пачкает, делая свои дела, где не надо.

Собака прыгает на человека, приветствуя его, и пачкает его своими лапами или играет с ним, хватая за одежду, вырывая из рук вещи.

Собака боится грома, выстрелов, салютов и фейерверков, полностью отравляя хозяевам все праздники, особенно Новый год.

Собака поедает фекалии и с упоением катается на них или на какой-нибудь тухлятине.

Когда у нас болит голова, мы можем, конечно, принять анальгин. Но не худо бы выяснить, отчего она болит. Оттого, что мы забыли проветрить помещение (тогда достаточно открыть форточку) или у нас начался грипп (тогда надо применить целый ряд лечебных мероприятий)?

В последние годы у нас издано достаточно много переводной литературы, в том числе и хорошей, касающейся коррекции поведения собак. Однако в большинстве своем это именно советы «принять анальгин» при головной боли.

Начнем с того, что все перечисленные выше проблемы являются *естественным* поведением собаки. А мы, вместо того чтобы понять, о чем, собственно, идет речь, *пытаемся подогнать поведение собаки под наши, человеческие требования*. При незнании базовых основ поведения собаки ни о какой коррекции не может идти речи! Это что-то вроде желания похудеть, не ударив при этом пальцем, а всего лишь приняв какое-нибудь «чудодейственное» снадобье.

На Западе собак, как следует из большинства переводных книг, воспитывают так, чтобы они не проявляли агрессии. Ни к кому из людей. (Исключение делается для собак-телохранителей или «служащих» в армии или полиции, да и то не всегда.) Убегание от хо-

зяина, поедание отбросов, «охота» за машинами не стоят на первом месте просто потому, что собак не принято спускать с поводка. У нас агрессия к «чужим» часто приветствуется, проблемой становится агрессия к хозяину или членам его семьи. Зато убегание вообще, погоня за движущимися объектами и риск отравиться чем-нибудь (улицы «у нас» более замусорены, чем «у них») – от протухших продуктов до крысиного яда – выходят на первый план. Поэтому в наших курсах общей дрессировки присутствовал навык *«Отказ от корма, предлагаемого чужими лицами»* и *«Отказ от корма, разбросанного по земле»*. Ни в одном западном курсе такого навыка нет. Зато собаки на Западе чаще остаются одни, в то время как у нас существует институт бабушек и дедушек, живущих в одном доме с активно работающими взрослыми детьми; они присматривают как за внуками, так и за домашними животными. Поэтому собаки на Западе больше портят вещи в доме, копают приусадебный участок, испытывают дефицит в прогулках (их всего лишь возят в магазин за продуктами и обратно) и остро нуждаются в эмоциональном контакте. При его отсутствии «выдают» целый ряд невротических реакций, таких, какие даже придумать сложно! В одной из книг приведен следующий случай: собака из-за размолвки в своей «стае» – между супругами, ее хозяевами, – беспрестанно лизала... стены и ножки мебели.

В Дании собака не должна не только никого кусать, но даже лаять на почтальона. Почтальонам выдается государственная дотация на покупку лакомства для собак. У нас же всеми способами отучают собак брать пищу из чужих рук. Представляете, что будет, если владелец служебного пса увидит, как какой-то почтальон пытается «подкупить» его собаку?! Да он сам нападет на государственного служащего и покусает его! А в Дании – гуманной Дании! – собаку могут усыпить только за то, что она своим лаем мешает соседям...

Есть, правда, проблемы сходные: наши бабушки склонны перекармливать четвероногих любимцев точно так же, как и владельцы собак на Западе. Правда, причины тому разные. У представителей нашего старшего поколения все еще живы в памяти тяжелые военные или послевоенные годы, когда еда значила очень многое. А для очень занятого владельца собаки, скажем, в Америке кормежка собаки иногда единственный способ общения с ней. Вспомните бездарную рекламу собачьих и кошачьих кормов на наших экранах! Накормил до отвала своего четвероного питомца – и

дело с концом! Он тебе именно за это доверяет и за это тебя любит... Даже собаки каменного века, наевшись от пуза остатков мамонтятины, наверняка не остались бы довольными такой жизнью... Ведь собака – животное социальное. Как и мы. И им, и нам во все времена необходимо ощущение эмоционального контакта, включение друг друга в свою стаю. А полакомиться остатками мамонтятины приходили, наверное, и десятки других видов мелких хищников, как четвероногих, так и пернатых, терпеливо дожидавшихся, пока человек покинет это место. Но они так и не стали домашними.

ЧТО ТАКОЕ ПОВЕДЕНИЕ? **Глава 2**

Собака – высокоорганизованное животное, обладающее сложным и многообразным поведением.

Поведение – это вся сумма взаимоотношений организма со средой. Причем степень сложности поведения зависит от степени сложности центральной нервной системы, которая сложилась в процессе эволюции.

Чтобы как-то ориентироваться в поведении животных (в том числе и собак), рядом исследователей были выделены так называемые *унитарные реакции*, т. е. весь комплекс поведения был разделен на части, в основе которых лежат те или иные мотивации, преобладающие на данный момент.

Мотивацией называется потребность организма в чем-либо. Проще говоря, мотивация – это механизм, который способствует удовлетворению потребностей: он соединяет память о каком-либо объекте (например, пище) с действием по удовлетворению этой потребности (поиском пищи). При этом формируется *целенаправленное поведение*, оно включает в себя три звена:

- поиск цели;
- взаимодействие с уже обнаруженной целью;
- покой после достижения цели.

Пример. Собака ищет пищу, поедает ее, придерживая лапами большие куски мяса или кости, затем, насытившись, успокаивается, т. е. желание есть на некоторое время перестает доминировать.

На эти три звена можно разложить любую унитарную реакцию.

Ежедневное общение с нашими четвероногими любимцами, попытки понять их поступки, а тем более обучение собак потребуют от нас в той или иной мере знания теоретических положений физиологии, высшей нервной деятельности и этологии.

Дрессировка собак базируется на теоретических положениях физиологии высшей нервной деятельности и этологии. Прежде чем ею заняться, придется коснуться некоторых общих понятий.

Глава 3 МОГУЩЕСТВО ИНСТИНКТА

Все поведение животных основано на «трех китах»: *инстинктах*, или *безусловных рефлексах*, *условных рефлексах* и *элементарной рассудочной деятельности*.

Разберемся в том, что такое инстинкт.

Инстинкт – это сумма врожденных реакций организма, возникающих в ответ на действие внутренних или внешних раздражителей. Проще говоря, инстинкт – опыт поколений, т. е. «память вида»; инстинкты даны животным от рождения. Иначе инстинкты называют *безусловными рефлексами*.

В свое время было очень модно задавать вопрос: «мудр» или «глуп» («слеп») инстинкт? Например, собака берет косточку, но если она сыта, то не ест, а закапывает в свой коврик. Или, перед тем как улечься спать, некоторое время крутится на месте, «приминая» несуществующую траву, и, в конце концов, плюхается на голый линолеум. С точки зрения здравого смысла эти действия бесполезны. Однако они инстинктивны, т. е. выполняются автоматически. Они закреплены в поведении бесчисленных поколений собак, живших до нашей конкретной домашней собаки. Если наша собака живет на улице, то лежать на реально примятой траве ей будет удобнее, как и ее дикому предку. Сам по себе инстинкт не может быть ни «мудр», ни «слеп». Он рассчитан на определенные условия среды. Это заведомо известный ответ на стандартную ситуацию.

Инстинкт имеет две основные особенности: стереотипность действия и простую стимуляцию (вызвать действие того или другого инстинкта можно с помощью определенного стимула).

Например, у хищников, к которым относятся собаки, есть инстинкт *преследования убегающей добычи*, поэтому они бросаются в погоню за любым движущимся объектом. Самая добродушная собака может с лаем кинуться за убегающим ребенком. Отсюда правило: никогда не бежать от собаки. Объект, который перестает двигаться, перестает быть добычей.

В этологии есть понятие *комплекс фиксированных действий (кфд)*. Это стандартная реакция на тот или иной стандартный раздражитель, который в этом случае называется *ключевым раздражителем* или *релизером*. В определенном возрасте в ответ на определенный раздражитель животное выдает строго определенную реакцию точ-

но так же, как его родители, деды и прадеды, даже если с этим раздражителем данное животное встретилось впервые. Это часть сложного поведенческого комплекса, основанного на том или ином инстинкте. В приведенном выше примере – это сама реакция хищника на движение. Собака может не побежать, но хотя бы рванется вслед, проводит двигающийся объект глазами.

В ходе эволюции происходит закрепление комплекса фиксированных действий и превращение его в социальный сигнал, понятный особям данного вида. Этот процесс называется *ритуализацией*. Результатом такой ритуализации служат все *демонстративные позы* у собак. К примеру, такая картина. Любой собачник не раз видел, как встречаются на прогулке два кобеля, силы которых на первый взгляд равны. Они подходят друг к другу на выпрямленных ногах, стянув уголки губ, задрав хвосты, уши и вздыбив шерсть на холке и по хребту, — это демонстративная поза угрозы. Потом обнюхивают друг у друга морды и анальные отверстия. Расходятся, метят, задрав заднюю лапу, какой-нибудь столбик и снова сходятся. Тот пес, который присядет на лапах в строгом соответствии с ритуалом, растянет губы в оскале и опустит хвост, признает себя ниже рангом без всякой драки, т. е. он примет позу подчинения. Драка часто возникает, если хозяева не дают собакам соблюсти положенный ритуал.

Все инстинкты условно делятся на три группы: *витальные, зоосоциальные* и *инстинкты саморазвития*. *Витальные* (жизнеобеспечивающие) обслуживают непосредственные физиологические функции; к ним относятся инстинкты постоянства внутренней среды (гомеостаза), сна, бодрствования, а также пищевой, питьевой, оборонительный (например, собака отдергивает лапу при болевом ощущении) и т. д. *Зоосоциальные* инстинкты – это половой, родительский, территориальный, иерархический (доминирования или подчинения), эмоционального резонанса (если, например, собака видит, как в ее присутствии наказывают другую собаку, то она подходит к своему хозяину с поджатым хвостом). *Инстинкты саморазвития* – это исследовательский (играет огромную роль в умении приспосабливаться к изменениям окружающей среды), игровой, иммитационный (подражание другим особям), манипуляторской деятельности (у собак – игры с палками и всевозможными игрушками) и даже свободы.

Зоосоциальные инстинкты и инстинкты саморазвития – это та материальная база, на которой могла появиться элементарная рассудочная деятельность.

Глава 4 УСЛОВНЫЕ РЕФЛЕКСЫ И ИХ РОЛЬ В ОБУЧЕНИИ СОБАК

Условные рефлексы – это индивидуальная память животного; они вырабатываются в процессе онтогенеза, т. е. индивидуального развития, и носят приспособительный характер.

Обучение и инстинкт – два способа обеспечения животными набора адаптивных, т. е. приспособительных, ответов на условия окружающей среды. В ходе обучения происходит отбор оптимальных реакций отдельных индивидуумов на те условия, в которых они существуют.

Когда речь заходит об условных рефлексах, принято вспоминать опыты русского исследователя-физиолога И. П. Павлова. Отдадим дань традиции. И. П. Павлов, изучая работу пищеварительных желез собак, обратил внимание на то, что секреция этих желез начинается не только непосредственно на корм, но и на раздражители, ранее бывшие для собак индифферентными, например, на звук шагов человека, который приносит корм. Павлов создал экспериментальную модель для выяснения данной физиологической реакции: стал сочетать световой и звуковой раздражители с актом кормления и выяснил, что нужная реакция проявляется при сочетании индифферентного раздражителя (звонок) со значимым (пища). Исходя из уже известных в то время физиологических законов – возбуждения и торможения, – Павлов сделал вывод, что в основе рефлекса лежит объединение в мозгу двух очагов возбуждения от индифферентного и значимого раздражителей: между ними образуется временная связь.

После Павлова наши познания в области условных рефлексов были значительно расширены и углублены многими другими исследователями.

Рассмотрим, какие формы обучения известны в настоящее время.

Привыкание – снижение реакции на стимул. Если реакция не подкрепляется, она угасает. Пример. Собака научилась садиться по команде и получать за это лакомство. Она начинает садиться перед хозяином просто так, выпрашивая лакомство. Если он его не дает, она перестает садиться «даром» и более четко связывает команду – выполнение – лакомство.

Классическое обучение – комплекс из условных рефлексов 1-го

и 2-го порядка. То есть классический павловский рефлекс: основной стимул (еда) + добавочный стимул (звонок) = реакция слюноотделения.

Инструментальное, или *оперантное, обучение* – с помощью какого-либо положительного или отрицательного подкрепления. Животное выполняет что-либо случайно (или его заставляют сделать это механически), получает подкрепление, и после ряда повторов реакция закрепляется. Пример. Выработка команд – «сидеть», «лежать», «рядом», т. е. собаку механически укладывают (нажимают на холку, вытягивают передние лапы и т. д. и одновременно показывают зажатое в руке лакомство, держа его низко перед мордой). Укладка сопровождается дачей команды. После укладки собака получает лакомство, за которым тянется. Через какое-то время вырабатывается условный рефлекс – собака ложится по команде.

Латентное обучение – происходит в скрытой форме, без видимого подкрепления. Пример. Собака исследует новую для нее территорию за счет исследовательского инстинкта. Явное подкрепление отсутствует – им служит сама новизна обстановки. Собака запоминает новые маршруты передвижения.

Инсайт-обучение, или *«озарение»,* – животное для достижения цели соединяет две разные реакции на два разных стимула. Пример. Хорошо апортирующая собака может научиться открывать дверь, потянув ее за ручку. После достижения положительного результата (дверь открылась с первого раза) условный рефлекс вырабатывается мгновенно, без повторных попыток.

Инсайт-обучение бывает очень трудно отличить от элементарной рассудочной деятельности.

Очень интересно явление *импринтинга* – мгновенного запечатления в короткие по времени, чувствительные периоды. К импринтингу мы еще вернемся при описании периодов развития собак.

Обучение зависит от сенсорных возможностей животного, т. е. от имеющихся у него органов чувств. Например, у собак нет цветового зрения, поэтому их нельзя обучить различать цвета – они могут различать лишь интенсивность тона. Зато они слышат ультразвук и их можно научить прибегать на сигнал ультразвукового свистка.

Кроме того, на скорость и качество обучения влияют *возраст*

собаки, *стимул* и вид *подкрепления*. Молодая собака обучается лучше старой. Собаки с преобладающей пищевой реакцией дрессируются с помощью лакомства, а если преобладает игровое поведение, то в качестве подкрепления лучше использовать игру, например, за выполнение команды «рядом» дать потрепать апортировочный предмет.

Говорят, что академик И. П. Павлов, который был близко знаком с легендарным дрессировщиком В. Л. Дуровым, однажды рассердился на своих сотрудников: «Что вы заладили, как попугаи, – “рефлексы, рефлексы”?! А где же сообразительность и ум?!»

Как известно, мозг – это наиболее сложная природная структура. Если человек в ходе эволюции овладел мышлением, то у животных должны присутствовать те или иные предпосылки к рассудочной деятельности. Ранее некоторые физиологи полагали, что сложные комбинации инстинктов и условных рефлексов и есть мышление. Однако данные многих экспериментов в эту схему не укладывались.

Доказано, что все позвоночные, от рыб до обезьян, обладают теми же видами *памяти*, что и человек: *образной, эмоциональной, условно-рефлекторной*, – кроме, вероятно, высшей формы – *словесно-логической*, которая, собственно говоря, и дает возможность абстрактно мыслить.

О рассудочной деятельности животных ученые спорили в течение всего XX в. В 1930 г. К. Келлер высказал предположение, что критерием разумного поведения является способность животных решать задачи с учетом всей ситуации в целом. Ученик И. П. Павлова И. С. Бериташвили в 1947 г. писал, что у животных в мозгу образуются образы объектов в сочетании с их местоположением в пространстве[1].

Рассудочная деятельность отличается от обучения тем, что животное, столкнувшись с новой для себя ситуацией, с первой попытки строит правильную модель поведения.

Важнейший вклад в изучение этого вопроса внес российский ученый, профессор Л. В. Крушинский. Он проводил свои эксперименты в Московском государственном университете в 70–80-х годах XX в. Он впервые ввел понятие «элементарная рассудочная деятельность», доказав, что животные обладают ею. За основу доказательств Крушинский принял способность животных к экстраполяции и умение оперировать размерами, объемом и формой фигур.

---

[1] См.: «Физиология поведения» /Под ред. А. С. Батуева. М., 1986.

Экстраполяция, или «опережение», – способность животного проследить за движущимся объектом, временно исчезнувшим из поля зрения, и построить как бы мысленную траекторию его движения.

На самом деле эта задача не так проста, как кажется на первый взгляд.

Во-первых, животное должно иметь «систему отсчета» – набор фиксированных точек (объектов), по отношению к которым движется тело, — и рассчитать траекторию его движения.

Во-вторых, догадываться, если можно так выразиться, о законе «неисчезаемости» материального тела, о том, что тело, выйдя из поля зрения, продолжает существовать.

Предпосылками к экстраполяции служит то, что у всех животных есть чувство времени и они умеют ориентироваться в пространстве. Выяснилось, что экстраполировать могут животные, начиная с водяных черепах. Для рыб исчезнувшая приманка исчезает навсегда. Псовые – лисы, волки, собаки – лучше всех других животных решают задачи на экстраполяцию, уступая лишь обезьянам.

В экспериментах Л. В. Крушинского животные должны были сообразить, что объемная приманка может быть помещена в объемное же, а не плоское тело и может передвигаться вместе с ним.

В эволюционном плане элементарная рассудочная деятельность более молодое приспособление, чем обучаемость, и рассчитана на резкое изменение условий существования. Эволюция шла в таком направлении: новая ситуация – ответ на нее – элементарная рассудочная деятельность; повтор ситуации – условный рефлекс.

Еще одним интересным выводом из работ Крушинского было то, что, чем выше уровень рассудочной деятельности, тем больше риск получить невротическую реакцию, сходную с неврозами у людей. Самые распространенные формы подобных реакций: *фобии* – страх перед условиями эксперимента и как следствие *отказ от решения задачи; двигательное возбуждение*, переходящее, наоборот, в *запредельное торможение*.

По Крушинскому, оказалось, что самые сообразительные животные более других склонны к невротическим реакциям. И об этом следует помнить, ставя перед собакой ту или иную задачу.

И при элементарной рассудочной деятельности, и при инсай-

те – «озарении» – возникает эффект мгновенного решения сложной задачи, с которой животное встретилось впервые. Решение основано на обобщении предыдущего опыта и использовании имевшихся навыков в нестандартной комбинации.

Разница между элементарной рассудочной деятельностью и инсайтом, вероятно, заключается в том, что в первом случае ситуация возникает однократно, животные решают ее однократно и у них не вырабатывается условного рефлекса, а при втором условный рефлекс вырабатывается с первого раза и при возможном повторении ситуации сохраняется.

Граница между инсайт-обучением и элементарной рассудочной деятельностью очень тонка, и современные авторы предпочитают относить оба эти явления к так называемому когнитивному поведению.

А теперь несколько примеров из личной практики. Моя самая первая ризенушка научилась открывать двери, дергая их за ручки. Бабушка готовила на кухне пироги, оттуда так аппетитно пахло, а дверь, как назло, открывалась не наружу (такие двери собаки легко открывают мордой, а потом – плечом и лапой)... Собака несколько секунд «размышляла», чтобы такое предпринять, и вдруг схватила ручку зубами и потянула на себя. Ура! Дверь открылась. И ризенуха рванулась на кухню выклянчивать пирог. С тех пор она легко справлялась с любыми дверями. Однако ручки у дверей в квартире были пластмассовые, и собака, будучи натурой страстной, их мгновенно пооткусывала. Пришлось заменить ручки на металлические. Вероятно, это был пример инсайта – мгновенного «озарения». Однако эта же собака правильно сделала выборку вещи (речь шла о чужом запахе, а не о запахе хозяина), а потом и выборку человека, придя на занятие по розыскной службе, с первого раза. Позже ее как будто «вырубило». Одно занятие она вообще отказывалась работать, на втором-третьем пошло закрепление навыка. Это уже было похоже на рассудочную деятельность: при первом предъявлении задачи собака решила ее правильно, но условного рефлекса не образовалось. Он образовался, когда задача стала повторяться.

Вообще задачи на элементарную рассудочную деятельность решают собаки, работающие без человека. Например, охотничьи. У охотников есть для борзых такой термин – «мастерство» – умение собаки предугадывать все увертки зайца. Когда борзая «мастерит»,

она самым настоящим образом экстраполирует. С неординарными ситуациями, для которых навыков, полученных в результате дрессировки, может не хватить, сталкиваются пастушьи собаки (собрать стадо, разбить его на определенные группы, найти и вернуть отставших животных), собаки на свободном окарауливании, розыскные собаки.

Веками шел отбор собак не только по внешним признакам, соответствующим какому-либо использованию, но и по поведенческим реакциям. Человек ценил в своем четвероногом друге охотничьи и сторожевые качества, преданность одному хозяину.

При современной практике разведения вопрос о взаимосвязи экстерьера (определенные размеры, телосложение, окрас) и поведения все еще носит спорный характер. С одной стороны, прослеживается явная закономерность типа конституции с типом нервной системы (а сильный или слабый тип нервной системы, безусловно, передается по наследству!). Но с другой стороны, далеко не каждый чемпион обладает хорошими рабочими качествами.

Рассмотрим историю изучения агрессии, т. е. активной оборонительной реакции, как ее называли еще двадцать лет назад. Под этим термином подразумевали возможность проявлять агрессию к особям своего вида и человеку. (На самом деле *к оборонительному поведению* относятся два типа: *активный – бегство* — и *пассивный – замирание на месте*.)

В 60-х годах XX в. Л. В. Крушинский провел исследования на восточноевропейских овчарках и эрдельтерьерах и выделил три качественно отличные друг от друга группы:

- собаки без агрессии: на постороннего человека не лают и не пытаются его укусить;
- собаки, лающие на постороннего человека, но не пытающиеся его укусить;
- собаки, которые не только лают, но способны укусить человека.

Тест проводился на необученных собаках. Результаты были следующие: реакция 2-го и 3-го типов наблюдалась у 52% овчарок и 23% эрдельтерьеров, причем у вторых преобладала реакция 2-го типа. Подобная реакция появляется у щенков в возрасте 4—6 месяцев, и именно с этого возраста, если она важна для дальнейшей работы, ее следует развивать.

При этом следует помнить, что отсутствие агрессии может быть обусловлено несколькими причинами:

- имеет наследственный характер и, хотя собаки обладают

сильным типом нервной системы, агрессивность у них полностью отсутствует;

● носит характер инфантильной осторожности, т. е. щенячья трусость остается на всю жизнь в результате индивидуальных особенностей развития;

● обусловлена слабым типом нервной системы и проявляется в виде страха при сверхсильных раздражителях – громе, взрыве, выстреле;

● появляется в результате невротических срывов и ошибок, допущенных при дрессировке;

● является следствием физиологического срыва, вызванного болезнью: сверхсильный раздражитель накладывается на болезненное состояние. Пример. Сука с токсикозом, развившимся на фоне беременности, начинает бояться громких звуков, если период ее дискомфорта совпадает с празднованием Нового года, сплошными взрывами петард, фейерверков и т. п.

Известно, что оборонительное поведение животных зависит от уровня возбудимости нервной системы: чем выше возбудимость, тем выше проявление оборонительной реакции в той или иной форме. А возбудимость – это генетически обусловленное свойство нервной системы.

Яркой иллюстрацией к проблеме наследования агрессии являются волчье-собачьи гибриды. Волки, как все дикие псовые, не проявляют агрессии к человеку, за исключением отдельных случаев. Популярные в середине XX в. байки о том, что пошла, мол, сельская учительница через лесок и остались от нее либо туфельки, либо валенки, смотря по сезону, не имели под собой практически никакого основания. Гибриды волка и собаки (а очень многие породы собак пытались «улучшать», приливая к ним кровь волков; недаром митохондриальная ДНК волчьего обнаруживается у многих старых европейских пород собак – овчарок, пуделей) наследуют от волков пассивную и активную форму оборонительного поведения (т. е. убегание или замирание), а от собак – повышенную возбудимость нервной системы. При этой комбинации происходит усиление страха перед человеком и любыми новыми раздражителями, хотя звери сохраняют нормальное, как у волков, охотничье поведение и агрессию к тем животным, которые служат им добычей.

Иногда такой же неудачей оканчиваются попытки скрестить между собой далекие друг от друга породы или плохо сочетающи-

еся линии внутри одной породы: в первом поколении выщепляются животные со слабой нервной системой.

В конце XX в. российским кинологом К.Т. Сулимовым проводились скрещивания собак и шакалов. Предполагалось, что гибриды будут иметь лучшее, чем у собак, чутье и их потомков можно будет использовать на таможне для поисков наркотиков. В естественных условиях собаки и шакалы не скрещиваются. Для удачного межвидового «брака» приходилось подкладывать новорожденных шакалят собакам, а щенков – самкам шакала – метод кроссфостеров. Вырастая, щенки «полагали», что они – шакалы, а шакалята «считали себя» собаками. Схема скрещивания была таковой: сука собаки + самец шакала и самка шакала + кобель собаки. Их потомки скрещивались между собой.

В первом поколении шло расщепление по позе угрозы: у собак и шакалов они разные. Гибриды четвертого и далее поколения действительно обладали более тонким чутьем, и с ними можно было работать. Но... они боялись многих раздражителей (чужих людей, грохота транспорта, незнакомых помещений), на которые чистокровные собаки не реагируют.

Другим примером наследования поведенческих реакций служит лай. Есть собаки лающие и нелающие. Особенно ценится глубокий долгий лай гончих. У лаек он, наоборот, отрывистый и частый. Ездовые собаки и африканские бассенджи, так же как и лайки, относятся к шпицеобразным собакам и не лают вообще: они музыкально воют, выражая свои чувства. Так, один гибрид чукотской ездовой и московской дворняжки первого поколения умел выть, а кроме того, издавал короткие, отрывистые, весьма отдаленно похожие на лай звуки.

Предполагается, что генетически обусловленной предрасположенностью собак является способность к апортировке. В принципе все породы в определенном возрасте играют различными предметами, берут в рот палочки и пр. Однако особую склонность к апортировке проявляют охотничьи собаки, которые находят и подают в руки охотника убитую дичь. Этот навык может закрепляться в ходе дрессировки, но одни породы обучаются ему легко, а другие – с трудом. Например, порода ретривер была выведена специально для мягкой подачи дичи, такой, чтобы не повредить ни одного перышка у убитой птицы.

В 30-х годах XX в. американский ветеринар Л. Ф. Уитни выделил целую серию наследственных рабочих качеств собак

разных пород и то, как они наследуются, оперируя, правда, всего лишь законами Менделя, хотя очень многие признаки определяются другими вариантами наследования. Часть утверждений Уитни, вероятно, следует рассматривать критически. Например, «здравый смысл и его отсутствие» – трудно сказать, что он понимал под определением «здравый смысл»! Но некоторые положения его теории имеют подтверждение.

Преследование с голосом доминирует над молчаливым гоном (сам Уитни писал, что вывел линию бладгаундов – гончих по кровяному следу, идущих по следу молча). Однако протяжный лай гончих рецессивен (т. е. исчезает в первом поколении) по отношению к отрывистому лаю.

Верхнее чутье легавых доминирует над нижним, свойственным гончим (легавые ловят запахи в воздухе, а гончие идут по следу, оставленному на земле).

Некоторые поведенческие факторы наследуются независимо друг от друга, например:

охота с помощью зрения (борзые) или чутья (гончие);

наличие стойки или ее отсутствие;

независимый поиск или охота в стае;

умение сгонять стадо или его отсутствие.

Наследуемые формы поведения имеют норму реакции, т. е. проявляются в определенных границах. И каждая отдельная структура этих форм определяется действием множества генов. Например, порог возбудимости мышечных волокон может понижаться или повышаться. А для этого необходимо приложение целых звеньев взаимодействующих между собой генов. Наследуются как этапы получения, так и переработки информации.

Хозяин обучил чему-либо собаку. А станут ли это выполнять ее щенки? Как ни странно, многие собаководы пребывают в приятном заблуждении, что станут. Более того, сейчас вам продадут щенков многих пород, утверждая, что их не надо дрессировать, они, мол, сами все умеют. Не верьте, пожалуйста! Дрессировать необходимо собаку любой породы! Хотя, конечно, у каждой породы имеются свои поведенческие породные особенности.

Экспериментально было доказано, что различные линии мышей, разные породы кур обучаются с неодинаковой скоростью. Поэтому оказалось возможным селективное ведение линий лабораторных животных, хорошо или плохо обучаемых. В основе такой селекции лежала генетически обусловленная подвижность

нервных процессов. Количественное выражение изучаемого признака не непосредственно закодировано в хромосомах; реализация наследственной информации осуществляется через морфологические и биохимические проявления данного признака. А они уже могут повлиять на саму поведенческую реакцию.

Непосредственно выработанные условные рефлексы не передаются по наследству, хотя предрасположенность к дрессировке имеется, т. е. у родителей, проверенных на рабочие качества и обученных тому или иному виду службы, рождаются дети, легче поддающиеся дрессировке, нежели тех родителей, чья пригодность к практическому использованию сомнительна.

Чтобы управлять собакой, надо быть не только аккуратным дрессировщиком, но и разбираться в естественном поведении собак. Бессмысленно считать собаку неким механизмом, который можно настроить на определенную программу действий, и столь же бессмысленно объяснять ее поступки с позиций чисто человеческого восприятия.

Глава 7 ЗАКОНЫ ВОЛЧЬЕЙ СТАИ, ИЛИ ЧТО ОСТАЛОСЬ У СОБАК ОТ ВОЛКОВ?

Мечты о волке

Кто из будущих собаководов не читал в детстве «Маугли» Р. Киплинга, а став чуть постарше, «Белого Клыка» Дж. Лондона?! И кто из новичков в кинологии не мечтал о ручном волке – сильном, благородном и одновременно верном животном, превосходящем собаку и по смелости, и по уму! Мечты, мечты...

Надо сказать, что я не являлась исключением. Окончив школу, я пошла работать дрессировщиком в зоопарк, в секцию «Выездные животные». Тамошние питомцы не сидели на экспозиции, а работали живыми пособиями к научно-популярным лекциям и вывозились в школы, клубы. Все они должны были уметь переносить поездку на автобусе, заходить в транспортную клетку, выходить из нее и терпеть присутствие зрителей, с каким бы бурным энтузиазмом те ни встречали появление животных. Вот тогда-то я и познакомилась со своими первыми волками и волчье-собачьими гибридами.

Волков в зоопарке всегда хватало. Ведь этот вид неплохо размножается в неволе. К тому же каждое лето и каждую осень нам несли новых волчат, хотя от большинства из них зоопарк отказывался – ведь он был не резиновый... Но люди, поймав зверенышей в природе, через какое-то время старались от них избавиться. Почему так происходило? Во-первых, молодые волки, обладая незаурядными исследовательскими способностями, буквально на части разбирали городскую квартиру. Ни один самый грызучий щенок не мог сравниться с ними по части разрушительных последствий своих «трудов». Пропадая от скуки, в отсутствие хозяев они потрошили мягкую мебель и обдирали стены. Родной лес и окрестности логова наверняка предоставляли им большие возможности для реализации своих талантов. Во-вторых, к четырем—шести месяцам волчат одолевало неодолимое стремление к вокалу. И очень скоро не только соседские собаки, но и сами соседи присоединялись к этому хору... Последние, разумеется, писали жалобы во все мыслимые инстанции. Что касается виновников, то подобное поведение для них было совершенно естественным, так как к осени волчатам этого года положено собираться в семейную стаю, а вой – одно из основных средств общения между ее членами. И волчата, оказавшиеся в неволе, посылали сквозь стены свои безответные призывы... В-третьих, они боялись очень многих вещей (на-

пример, грохочущего транспорта), на которые городские собаки не обращают внимания, и чужих людей, и приучить их ко всему этому оказывалось невероятно трудно. В-четвертых, если человеку удавалось додержать животных до периода становления иерархических отношений, то его питомцы внезапно начинали «качать права» и выяснять, кто главнее — они или их хозяин? А на проявление авторитарности в виде грубой силы они отвечали тем же... Стать для собственного питомца компаньоном в условиях ограниченной территории — квартиры или вольера на даче — никому не удавалось.

На «Выездной» жили пара годовалых волков и трое волчат четырех—шести месяцев. Старших — Бэти и Лобо — я приучала к себе в течение нескольких недель: подолгу сиживала в их клетке, в соседнем отсеке, разговаривала, ползала на четвереньках и играла с метлой — сама с собой, чтобы заинтересовать этой игрой зверей. Я лаяла, рычала и разве что не виляла хвостом по причине его отсутствия. В конце концов, Бэти немного осмелела и принялась осторожно отнимать у меня метлу. Лобо жался к углу клетки или прятался за Бэти, наступая ей на хвост. Волчица с пронзительным рычанием кусала его и вновь обращала внимание на мои старания ее развлечь. (Выражение «пронзительное рычание» больше всего подходило к тому звуку, который она издавала: оно было не рокочуще-басистым, а яростно-дискантным.) Кстати, волчица оказалась весьма ревнива: кусала волка тогда, когда ей казалось, что ему уделяют больше внимания.

Из трех волчат (их звали Гера, Гури и Серый) Гури была самой старшей и самой дикой, а Серый — самым ручным. Он вырос в московской квартире. Гури подсадили к младшей паре позже всех, и Серый сразу показал ей, кто тут хозяин: по-взрослому рыча, напал на новенькую и для острастки хорошенько потряс, схватив за круп. Сначала Гури просто не обращала внимания на малыша, а потом, пользуясь тем, что была в два раза крупнее, просто отшвырнула его в сторону. Правда, в дальнейшем она во всем подчинялась ему.

У нас был и свой Белый Клык — гибрид лайки и волка по кличке Тимур. От волка он отличался коричнево-подпалым окрасом и хвостом-крючком, а от собаки — раскосыми зелеными глазами, широким лбом и короткими мохнатыми ушами. К людям Тим относился избирательно. Одни ему не нравились, и он рычал на них, хотя и видел каждый день. Меня он признал очень быстро и любил, когда я чесала его лобастую голову. Однажды в зоопарк заехал с фотоаппаратом мой отец. Тимуру и Бэти он понравился с первого взгляда! Волчица на всякий случай надула лужу, чтобы показать, что она еще маленькая, а потом, виляя хвостом, бросилась ласкаться

через решетку. Тимур тоже завилял хвостом и подставил почесать голову. Лобо, Серый и Гера испуганно метались по своим клеткам, а Гури забилась в домик.

Гури вообще оказалась самой дикой. И единственный несчастный случай, происшедший на моих глазах, был связан именно с ней. Девушка Нина собиралась взять Гури на лекцию и не обратила внимания, что та возбуждена сверх меры. Она загнала волчицу в угол и попыталась надеть на нее ошейник с цепочкой, и та немедленно вцепилась ей в руку. Хотя сама царапина оказалась пустяковой, очевидно, в атаке волчицы было нечто настолько устрашающее, что Нина вылетела из клетки в состоянии шока и наотрез отказалась работать с волками.

Зато Серого мы поочередно выводили рано утром погулять по территории зоопарка, пока еще не было посетителей. Он вполне нормально относился к ошейнику и поводку, хотя, конечно, обучить его собачьей команде «рядом» было невозможно. Волчонок шел, куда хотел, а мы послушно следовали за ним. Вот он увидел пруд с утками и припал к земле — стал подкрадываться. Вот он обнаружил яму, оставленную рабочими, и долго нюхал ее, чихая от возмущения. А вот он через забор увидал незнакомого человека и, притаившись, пристально разглядывал его через щелочку. И вдруг, услышав грохот и звон трамвая, со всех ног припустился обратно в клетку.

На лекциях Серый вел себя степенно: выходил из клетки, сам вспрыгивал на стол (иногда, правда, его приходилось поднимать, а весил он в свои семь-восемь месяцев уже о-го-го!) и разглядывал зрителей с таким же неподдельным интересом, что и они его. Но при этом он старался в буквальном смысле не терять связи с дрессировщиком: держался задней лапой за карман его халата (так же делали и лисы, совали заднюю лапку в карман знакомого человека).

Бэти и Лобо, пока они были маленькими, выкармливала пушистая рыжая дворняжка. И они, став почти взрослыми, выражали ей свое глубокое уважение: ползали на брюхе, удивительно уменьшившись в размерах, виляли хвостами, лизали уголки губ. (Это была демонстративная поза подчиненного приветствия.) Но однажды зимой с собакой произошло несчастье: она потянулась лапой через прутья клетки за косточкой, а этого волки взрослым животным не прощают... Мы нашли собаку в сугробе — в крови, все мышцы и сухожилия с лапы были содраны... Мы понесли ее в ветпункт, где ей ампутировали торчащую наружу косточку. Собака держалась молодцом и легко перенесла операцию, чего нельзя сказать о нас: выйдя на улицу, мы с Ниной дружно потеряли сознание! К счастью, ненадолго... Через месяц пушистая дворняга бегала так быстро, что было совершенно незаметно, что у нее три, а не четыре лапки. На волков она не

обижалась и, когда было надо, ставила их на место, правда, лапу в клетку больше не тянула.

Кроме волков, на «Выездной» жила пара собак динго. Как-то они принесли трех «динжат» (а как еще назвать щенков динго?), и мы решили познакомить их с волками, по очереди поднося малышей к решетке. Реакция была однозначной: все волки, издав характерное скуление, выложили «динжатам» полупереваренный завтрак, как положено в волчьем семействе. И это — звери, которые сами никогда не имели щенят!

Когда «динжата» подросли, мы стали выпускать их погулять вместе с молодыми волками под присмотром дядюшки Тима. Зверята носились по внутреннему дворику, обгрызали угол хозблока, тянули и рвали все, что плохо лежит — метлы, брошенные телогрейки. Тима они тянули за хвост и за лапы, перепрыгивали через него и устраивали кучу-малу. Он все терпеливо сносил, а может даже, несмотря на притворное рычание, сам получал от игры удовольствие.

К тому времени у нас появился еще один волк — полугодовалая Буянка. Это был волчонок с бешеным темпераментом, полностью оправдывавший свою кличку. Мы с ней особенно подружились. Хотя играла она, надо признать, весьма грубо: ей ничего не стоило опрокинуть меня на землю или порвать одежду. При этом она обладала определенным чувством меры: никогда не причиняла настоящего вреда, а разорвав рукав и добравшись до кожи, тут же останавливалась.

Второй раз я встретилась с волками в МГУ, работая на кафедре высшей нервной деятельности. К сожалению, в опытах по рассудочной деятельности над волками я не участвовала: основоположник этого направления профессор Л. В. Крушинский к тому времени уже умер, а волки с почетом доживали свой век. Впрочем, на них изучали звуковую коммуникацию. Надо сказать, что вой волков — это нечто особенное, ни с чем не сравнимое, понятное всем теплокровным. Бывает вой одинокого волка, призывающего своих сородичей. Бывает радостный групповой вой только что встретившихся зверей. Бывает вой — призыв к охоте или наставление волчатам. К сожалению, я никогда не слышала волчьего воя в естественных условиях. Но даже звучащий по телевизору, он производит на меня странное впечатление — мне хочется непременно ответить. И подобным «ответом» я изумляю живущих у меня собак, которые немедленно приходят в крайнее возбуждение.

По правилам техники безопасности заходить в вольер к матерым волкам было категорически запрещено. Мы общались через решетку. Я угощала зверей их любимым лакомством — битыми белыми крысами, а они тянули ко мне свои носы и лапы и виляли хвостами.

Вожаком среди четверки из МГУ был серый волк Корсар. Он правил своей маленькой стаей уверенно, но мягко. Ограничивался позами угрозы, иногда хватал провинившегося зубами за морду (подобное поведение я наблюдала у кавказских и среднеазиатских овчарок), но никогда не кусал по-настоящему. Вторым в иерархии был более крупный и светлый зверь с голубыми, как у хаски, глазами по кличке Грей. Я доверяла всем волкам, кроме этого. Такое впечатление, что он воспринимал меня скорее как добычу и без устали «пас», не спуская с меня странных голубых глаз. Его поведение в очередной раз подтверждало, что граница между добычей и представителем своего вида у хищника бывает весьма условной. Низшее положение занимал в этой компании некрупный, но зато самый толстый волк Виген – он не упускал ни одного случая стащить лишнюю порцию. Волчица Даная, казалось, не входила в общую иерархию. Все волки-самцы относились к ней лояльно. Она была самой трусливой – даже крыс брала с опаской – и одновременно самой ласковой к людям: все время подставляла почесать то бок, то брюхо. Предполагалось, что она является «супругой» Корсара. Но в один прекрасный момент она выбрала Вигена и спарилась с ним, защищая его от «праведного» гнева вожака!

Интересно, как волки реагировали на собак, а собаки – на волков. Собаки и волки, жившие в МГУ, отлично знали друг друга и не обращали друг на друга особого внимания. Большинство городских собак не было знакомо с волчьим запахом. Во всяком случае, моя собака Грета обнюхивала меня по возвращении домой с работы не более, как если бы я вернулась из гостей, где общалась с незнакомой ей собакой.

Но однажды мне удалось напугать дворняжек на стройке, через которую я регулярно проходила. Одна из них подбежала ко мне и внимательно обнюхала мои ноги. После чего «ойкнула» и мгновенно залезла в подсобку. Весть о страшном запахе мгновенно распространилась среди четвероногих обитателей стройки. После этого случая при виде меня они молча прятались кто куда, залезая, к изумлению рабочих, даже внутрь подсобок.

Был ли волк предком собак?

Все ли собаки произошли от волка? Этот вопрос дискутировался профессионалами и любителями животных в течение весьма длительного времени.

Разнообразие пород собак, различия в их внешности и поведении заставляли искать собачьих предков среди самых разных представителей семейства псовых. Например, знаток охотничьих собак зоолог и охотник Л. П. Сабанеев даже для сравнительно однородной группы аборигенных собак Севера нашел целых трех «предков» – волка, лису и песца.

Один из основоположников этологии, австрийский зоолог К. Лоренц, полагал, что разные породы собак, различающиеся по поведению, произошли от двух предков – волков и шакалов.

Самым подходящим «кандидатом» на одомашнивание все же оставался волк. К этому имелись в первую очередь поведенческие предпосылки. Пластичность волка как вида определяется социальной организацией. Если, как сказал Аристотель, человек – животное полисное, т. е. обитающее в городах-полисах, то волк воистину животное социальное. Вся история человеческая пошла бы по-другому, если бы человек человеку был волк! Дело в том, что все поведение волков ориентировано на пользу группы родичей. Волчья стая, имея свою структуру, состоит из матерых, переярков и прибылых. Матерые – взрослые звери, передающие потомкам не только генетическую наследственность, но и методом обучения традиции охоты на ту или иную добычу, наиболее характерную для данной местности. Переярки – звери прошлого года рождения – очень часто остаются без пары к следующему выводку матерых, играя при них роль «дядюшек» или «тетушек», и помогают вырастить очередной помет. Прибылые – волчата этого года – во всем берут пример со старших. В стае, которая складывается из расширенной семейной группы, царит жесткая иерархия. Конфликтов, как правило, не происходит: матерому достаточно показать «нарушителю спокойствия» позу угрозы, как тот принимает позу подчинения. Так же зачастую решаются и пограничные конфликты. Драки со смертельным исходом возможны между самками, так как они защищают охотничий участок для будущего потомства, как и инфантицид – уничтожение чужих щенков в голодные годы. Между тем родственные по крови звери способны усыновлять сирот и выкармливать их. В крайне редких случаях самцы погибают во время сражения за самку; кроме того, звери наносят друг другу тяжелые травмы в стаях с нарушенной структурой, где матерые выбиты охотниками, а переярки, не набравшиеся ума-разума, долго и кроваво выясняют, кто главнее.

То, что единственным предком собак всех пород является волк, было доказано генетиками. Согласно швейцарскому биологу К.В. Маттею, у обоих животных имеется одинаковое число хромосом – 78; собаки и волки скрещиваются между собой, и гибриды дают плодовитое потомство. В конце прошлого века свои исследования по молекулярной генетике опубликовал американский биолог Р. Вейн. Он провел серию работ по исследованию ДНК

среди собак разных пород и диких представителей семейства псовых. Митохондрии – особые тельца, которые содержатся в цитоплазме клеток и выполняют роль источников энергии, — имеют собственный генетический механизм – ДНК, способную к воспроизведению своих копий. Эта ДНК, как и любая другая, иногда мутирует. Если мутации не оказываются губительными для самих митохондрий и не мешают выполнению ими клеточных функций, то они передаются следующим «поколениям» митохондрий, а значит, и следующим поколениям организмов, в чьих клетках они располагаются. Поэтому две изолированные друг от друга группы животных одного вида накапливают свой «груз» изменений в митохондриальных ДНК.

С помощью соответствующих научных методик можно выявить такие изменения и не только установить степень родства между группами животных, но и приблизительно оценить длительность периода их самостоятельного развития.

Так, выяснилось, что раньше всего от общего «собачьего древа» отщепились австралийские и новозеландские динго: они имеют самый древний тип митохондриальных ДНК. Из остальных пород дальше всего от волка стоят примитивные породы: собаки-парии Ближнего Востока и африканские бассенджи. Эскимосские ездовые собаки оказались обладателями совершенно уникальных генетических структур: их ДНК столь древняя, что скорее схожа с ДНК динго, чем волка или других пород собак. Это говорит в пользу того, что порода в течение долгих веков развивалась в изоляции. Отсутствие «волчьих» структур ДНК у ездовых пород и наличие древних, «собачьих», свидетельствует о том, что люди привели собак на Крайний Север вместе с собой, а не вывели их повторно, одомашнив полярного волка...

Так что понятие «примитивная порода», а тем более «аборигенная» автоматически не означает близкого родства с диким предком. Большинство лаек, столь похожих на волка внешне, оказались далеки от него.

Обнаружение волчьей митохондриальной ДНК у аляскинских хаски, полученных скрещиванием привозных чукотских собак с местными породами и самыми разными породами из Европы, говорит все о той же позднейшей гибридизации, причем это была ДНК отнюдь не юконских волков, а европейских, населявших лесную зону, значит, собаки унаследовали ее от европейских предков, принадлежавших к той или иной заводской породе.

Вариант митохондриальной ДНК, близкий к волчьему, был обнаружен лишь у скандинавских пород – шведской и норвежской серой и черной лосиной собак.

При этом надо сказать, что митохондриальная ДНК передается по материнской линии, полный набор митохондрий содержится в яйцеклетках, а не сперматозоидах, которые несут обычную ядерную ДНК, поэтому у собак он проявляется при скрещивании суки волка с кобелем собаки.

Волчьи структуры митохондриальной ДНК были найдены также у немецких овчарок, пуделей и спаниелей. Выходит, пудель ближе к волку, чем лайка?! Загадка разъясняется легко: ездовые собаки и лайки в течение более долгого периода оставались в изоляции, а заводские породы перемешивались между собой. Они наследовали волчью структуру митохондриальной ДНК при улучшении породы путем прилития крови волка, когда в искусственных условиях спаривали не только кобелей волков с суками собак, но и волчиц с кобелями собак тех или иных пород. Такие породы передавали ее дальше при многочисленных скрещиваниях, с помощью которых создавалась та или иная новая заводская порода.

Скрещивание волка и собаки

Одичавшие или содержащиеся как полудикие собаки живут в тех же местностях, что и волки, и, по одним данным, скрещивание между ними – частое явление, но по другим общая картина выглядит значительно сложнее, чем пишет ряд авторов.

Обстоятельства могут помогать скрещиванию, а могут мешать ему — это касается поведенческих особенностей волков и собак.

Одна из причин – граница между добычей и «членством» в стае и у собак, и у волков – проходит зачастую по одному и тому же виду. Ручные волки, выросшие с собаками, считают знакомых собак подобными себе и устанавливают с ними ранговые отношения в пределах одной стаи. К чужим же собакам относятся агрессивно. Дикие волки охотятся на собак: в литературе имеется достаточно описаний того, как они выхватывают деревенских дворняжек чуть ли не из-под ног хозяина.

Другая причина – поведенческие различия в позах ухаживания. Лишь звери, не имеющие пары (чаще такими становятся переярки) или обладающие индивидуальным опытом общения с собаками, способны не только понять чужой язык, но даже и заговорить на нем.

Взаимоотношения между волками и собаками в естественных условиях еще не до конца изучены: иногда они встречаются как враги, иногда – как представители разных стай, населяющих одну территорию. Естественные скрещивания между волками и собаками легче всего происходят в тех местах, где на волков интенсивно охотятся и структура популяций волков сильно нарушена: матерые звери отсутствуют, а молодые переярки или даже прибылые рассеяны по территории. Тогда в поисках подобных себе волки перестают воспринимать собак как добычу. Одичавшие или полудикие собаки также ищут «подходящую компанию». Имеются сведения, что гибриды волка и собаки причиняют как природе, так и человеку значительно больше вреда, чем нормально структурированная волчья стая.

В искусственных условиях оба вида скрещиваются легко и не раз производились попытки гибридизации разных пород собак с волками. Некоторые кинологи, восхищаясь волком, мечтали об улучшении собачьего племени, не замечая удивительной приспособленности собак к условиям существования рядом с человеком и выполнению самых разных функций, полезных человеку.

Согласно сообщениям тех, кто имел дело с гибридами первого, второго и третьего поколений, они получались самые разные и по внешнему виду, и по отношению к человеку, и по способности к обучению. Но в целом все гибриды оказывались много хуже собак по рабочим качествам. Существует множество художественных рассказов об удачных гибридах, особенно в средствах массовой информации. На самом деле есть только две официально стандартизованные европейские волчье-собачьи породы, полученные на основе немецких овчарок и волков – *саарлосская волчья собака* и *чешский волчек*. Однако те, кто ими занимается, не советуют заводить их неспециалистам, подчеркивая, что собаки эти трудны как в содержании, так и в дрессировке.

Но находятся все новые и новые романтично настроенные поклонники гибридизации волка с собакой с целью улучшения качеств последней. Они приводят следующие доводы: поголовье ряда аборигенных пород ухудшается из-за неупорядоченного скрещивания с другими привозными породами, частых периодов бескормицы и эпидемий, выкашивающих часть поголовья. В результате метизации появляются новые, несвойственные исходной породе экстерьерные и поведенческие признаки, что сводит на нет «усилия» и искусственного, и естественного отбора, понижается вы-

носливость собак. А гибридизация с волком дает возможность местному населению влить в своих собак свежую кровь и таким образом избавиться от нежелательных последствий метизации и вынужденного инбридинга (т. е. близкородственного скрещивания) на худших производителей. Что касается гибридизации волка с заводской породой, то волк, несомненно, придаст ей выносливости, сообразительности и улучшит чутье...

При этом поклонники гибридизации собаки с волком впадают в неразрешимые противоречия, очевидно просто не замечая их.

Нужна ли «свежая» волчья кровь, к примеру, самоеду, разошедшемуся с волком так давно, что эта порода успела накопить свои собственные отличия в митохондриальной ДНК? И разве при скрещивании волка и собаки не проявляются экстерьерные и поведенческие признаки, не свойственные ездовой собаке? Не говоря уже о том, что искусственный отбор сделал ездовых собак гармонично сложенными, максимально приспособленными к перемещению груза на большие расстояния, чего лишены волки. Волки – тоже пример совершенства, только другого, природного. Естественный отбор сделал волков приспособленными пробегать большие расстояния неспешной трусцой и совершать стремительный, но краткий бросок в сторону добычи. Успех охоты во многом зависит от слаженных действий всей стаи, благодаря хорошо развитым коммуникациям между отдельными особями, а не благодаря умению слушаться при этом еще и вожака. К тому же волки совершенно не приспособлены к перетаскиванию груза в виде нарт на большие расстояния, они могут лишь в зубах перетащить пойманную добычу в укромное местечко, где им никто не помешает ее съесть...

Скрещивания волка и собаки ни в коей мере не улучшают породу. Такие скрещивания расшатывают генотип (генотип – это совокупность генов данного организма) собаки. При этом потомки получаются самые разные: и с неустойчивой нервной системой, о чем уже говорилось, и с разной внешностью – красивой и не очень (совокупность внешних признаков называется фенотипом). Почему так происходит? Представим себе, что потомок от скрещивания волка и собаки получает строение костяка и конечностей от одного родителя, а связки, сухожилия – от второго и этому строению не очень подходящие. Или: верхняя челюсть развивается по одному типу, а нижняя – по другому. Тогда получаются аномалии прикуса.

Как ни обманчив фенотип собаки породы маламут (их часто

снимают в кино вместо волков), все же маламут остается собакой.

Гибридизация волка и собаки, хотя такие опыты проводились и проводятся до сих пор, к сожалению, не приводят к получению собачьего «супермена». Повторить путь одомашнивания волка за несколько поколений не удастся. Для этого когда-то потребовались века и века.

Волчья жизнь

Для понимания многих поведенческих реакций собак стоит повнимательнее рассмотреть особенности поведения волка – его ближайшего родственника и предка.

Волчья стая состоит из 7—8, реже — 10—15 зверей. Она занимает определенную территорию, размеры которой зависят от наличия того или иного вида корма (от стад копытных до популяций грызунов; например, огромные белые тундровые волки едят в основном не оленей, как принято думать, а... леммингов и полевок!), удобных мест для логова и присутствия или отсутствия следов человеческой деятельности.

Как уже говорилось, драки между самцами за самку или пищу случаются крайне редко, только среди молодых зверей. Обычно конфликт заканчивается демонстрацией поз: высокоранговый принимает позу угрозы, низкоранговый – позу подчинения. Первая поза характерна для всех псовых: зверь стоит на прямых ногах, хвост поднят, уголки губ стянуты вперед, клыки оскалены, нос наморщен, раздается низкое рычание. Вторая поза: зверь приседает, хвост опущен, при этом противнику подставляются наиболее уязвимые части тела – шея и холка. Уровень агрессии у высокорангового зверя при виде позы подчинения резко падает. Он с ворчанием отходит, а нарушитель старается быстро и незаметно покинуть место стычки.

Драки, заканчивающиеся гибелью одного из зверей, возможны среди одноранговых самок, не находящихся в родстве, за территорию с ее ресурсами и местами для устройства гнезда. Нечто подобное наблюдается у среднеазиатских и кавказских овчарок, у ездовых собак.

У волков проявляются две противоположные тенденции – выкормить чужой помет и уничтожить его. Выбор зависит от двух обстоятельств. Во-первых, от степени родства зверей: агрессия к чужакам по крови выше, чем к своим. Во-вторых, от условий кормовой базы. Например, в сытые годы волки склонны принимать сирот, а в голодные – нет.

Гон у волков проходит в конце зимы или начале весны, в зависимости от мест обитания и господствующего климата. Тогда от стаи отделяется пара волков для размножения. Половозрелость у зверей наступает на 2—4-м году жизни. Пара зачастую складывается на всю жизнь. Иногда к матерым волкам присоединяется переярок, не нашедший себе пары и сам в этом году не участвующий в размножении, но помогающий старшей паре вырастить помет (институт так называемых «тетушек», последние за счет механизма ложной беременности помогают выкармливать щенков). В случае гибели матерых переярки полностью берут на себя заботу о выращивании волчат.

Уединившись, самец и самка устраивают логово, где после двухмесячной беременности самка приносит от 2—3 до 12, но чаще 5—6 волчат. Сначала мать кормит детенышей молоком, потом оба родителя отрыгивают им полупереваренную пищу и начинают приносить добычу к гнезду. Реакцию отрыгивания пищи можно вызвать практически у любого волка – от прибылого в возрасте около десяти месяцев или переярка до матерого — при виде двух-трехмесячного щенка. Сходную реакцию проявляют опытные суки аборигенных, но иногда и заводских пород собак.

Охотничье поведение волков развивается на основе инстинкта, однако при наличии накопленного индивидуального опыта, т. е. условных рефлексов. Оно проявляется с 3 месяцев, когда активируется игровое, исследовательское и социальное поведение. Сначала волчата пробуют на зуб предметы, с которыми играют (скажем, палочки, чурбачки), потом начинают ловить мелких зверьков (мышей, ящериц). К 7 месяцам уже появляется настоящая агрессия к себе подобным чужакам, а заодно и к крупной, сильной добыче. Это время воя и призыва собираться в стаю. Звери, выращенные в неволе, именно в это время начинают пробовать голос. Прибылые в полной мере участвуют в охоте взрослых ближе к годовалому возрасту.

Охота волков осуществляется всей стаей, происходит по единому плану и включает в себя скрадывание и нагон добычи. При развитых коммуникациях волки договариваются между собой о том, кто прячется в засаде, а кто выступает в роли загонщиков. Обычно в засаду ложатся матерые, а загонщиками бывают молодые, азартные звери.

Многие стаи, охотясь, переходят к кочевому образу жизни, покидая окрестности логова. Они следуют за стадами «своих»

мигрирующих копытных (оленей карибу, сайгаков) и отнюдь не режут, кого придется, а выбирают более слабых или больных. В средней полосе волки ведут оседлый образ жизни, но точно так же проверяют, кто слабее среди лисиц, оленей, кабанов. Матерый волк обыкновенно неторопливо трусит вдоль пасущихся копытных, которые по его поведению мгновенно угадывают и его намерения, а значит, или продолжают пастись, или настораживаются. Когда же среди них возникает паника, они обращаются в беспорядочное бегство. При этом быстро выявляются наиболее слабые животные: иногда это молодняк или беременные самки, иногда взрослые животные – больные или старые. И тогда к волку-разведчику присоединяется вся стая и хищники консолидируют свои усилия, пускаясь в погоню именно за отбитым от стада экземпляром. Реже – разбиваются на группы и устремляются за двумя-тремя. Достаточно редко волкам удается загнать одинокого и вполне полноценного зверя. В отношении лосей это случается в том случае, если волкам «подыгрывают» погодные условия: наст держит более легких хищников и проваливается под копытами лося.

В волчьих стаях существуют традиции, передаваемые от родителей к потомству путем обучения: охота происходит в основном на те виды животных, которые наиболее распространены в данной местности. Реакция на незнакомых зверей бывает разной: от неофобии, когда волки боятся их трогать, до неофилии, когда новая добыча кажется волкам той самой неполноценной, которую следует отловить в первую очередь. Все это необходимо учитывать при акклиматизации в природе новых видов. Они могут пасть жертвой местных хищников или, наоборот, сильно размножиться.

Той ситуации, что возникает при проникновении волка в овчарню, когда он режет животных без счета, в природе никогда не бывает. Вероятно, причиной этого является то, что в овчарне одинаковые животные мечутся перед ним, представляя очень легкую цель и включая инстинкт хищника на убегающую добычу, а выделить неполноценных не представляется возможным. И инстинкт дает сбой – ситуация не приспособлена для его нормального проявления.

Человек, охотясь на волков, старается выбивать в первую очередь матерых. Оставшиеся в живых переярки, а то и прибылые образовывают «банды» плохо отранжированных, все время дерущихся между собой зверей, не умеющих в должной мере охотиться. Такие звери нападают на домашних животных как на более лег-

кую добычу. Образно говоря, они напоминают молодежные банды подростков, которые хотя держатся вместе, но каждый выступает за себя.

В целом учеными выделены две основные формы волчьих популяций: дикого ландшафта и антропогенного, т. е. нарушенного человеком. Представители первой популяции избегают человека и всех проявлений его деятельности, а представители второй обнаруживают тенденцию... *к синантропизации* (т. е. сожительству рядом с человеком и пользованию теми «благами цивилизации», которые он им невольно предоставляет). При этом волки не обязательно нападают на его скот. Иногда они охотятся на бродячих собак и кошек, не брезгуют посещением скотомогильников и окрестностей скотобоен. Зафиксированы заходы волков даже в крупные города: в 70-х годах XX в., по сообщениям газет, пара волков промышляла в лесопарках Москвы, а уже в начале XXI столетия один волк «прогулялся» по Стокгольму. Иногда волки наравне с дворнягами роются на помойках или ловят там крыс. Они подбирают любую неубранную падаль и трупы, в сезон грабят бахчи, лакомясь сладкими арбузами или дынями, или поедают фруктовую падалицу. Промышляют они возле рыбных промыслов или промыслов морского зверя.

Вероятно, именно среди таких зверей выделились те, у которых страх перед человеком был ослаблен настолько, что они и оказались пригодными к одомашниванию. Они в меньшей степени боятся как самого человека, так и следов его присутствия, осмеливаясь промышлять по окраинам городов и поселков.

В настоящее время на человека нападают только волки, больные бешенством, точно так же, как собаки и лисы. Крайне редко в исторических хрониках фиксировалось появление волков-людоедов, более или менее достоверное. В истории человечества вспышки размножения волков следовали за войнами и эпидемиями, звери начинали поедать неубранные трупы. Волки, привыкшие к человеческому мясу, могли оказаться потенциально опасными.

Возникает вопрос: можно ли на основе стайных отношений моделировать нужное человеку поведение? Оказывается, можно. Во всяком случае, такие опыты проводились.

У всех псовых имеется механизм *отсроченного обучения*. Дикие псовые, которых истребляют в течение многих поколений с помощью ядовитых приманок, умеют связывать неприятные ощущения, возникшие после поедания отравленного корма, с запахом яда.

То есть отравившиеся, но выжившие звери или видевшие, как погибают их сородичи, никогда больше не берут приманку с данным запахом.

В США проводились успешные эксперименты по отучению нападения койотов на овец. Хищникам подбрасывались туши овец, начиненные хлористым литием – несмертельным веществом, вызывающим сильную рвоту. В результате целые семьи койотов переставали считать овец съедобными.

Волк – необходимое звено дикой природы. Основная причина вреда, причиняемая волком, – наличие легкодоступных домашних животных, которых выпасают в местах обитания волков без надзора или содержат в давно не ремонтируемых, поломанных хозяйственных пристройках. Привыкнув подбирать брошенную в поле или лесу падаль или разрывать кое-как сделанные скотомогильники, хищные звери начинают нападать на живой скот.

Уничтожать следует только те стаи, которые живут за счет домашних животных.

При сокращении численности волков в антропогенных ландшафтах в первую очередь необходимо отстреливать прибылых и переярков и ни в коем случае не матерых зверей.

Так что делать с волком? Уничтожать или нет? А если уничтожать, то как?

В некоторых местах, где волков легко выбивали, они замещались более пластичными по поведению волчье-собачьими гибридами. (Когда мы говорим о неудобстве использования волчье-собачьих гибридов в народном хозяйстве, мы имеем в виду более плохую обучаемость полезным человеку навыкам за счет более слабой нервной системы и другим факторам, а не о пластичности их поведения в естественной среде.) Иногда экологическую нишу волков занимают просто одичавшие собаки.

Сообщества одичавших, беспризорных собак во многом схожи с волчьими стаями, однако имеются и различия. Обычно такая стая образуется вокруг суки-основательницы и ее разновозрастного потомства, имеющего зачастую уже собственных щенков. Группа занимает свою собственную территорию, в пределах которой перемещается. Собачьи сообщества диффузны (новые члены стаи свободно приходят и уходят), в них менее ярко выражены ранговые отношения. Суки, как правило, полигамны, а кобели, как и щенки прошлого помета, не принимают участия в выращивании

потомства. Не все, а только отдельные суки «усыновляют» чужих щенков.

Древний страх перед хищниками, непроизвольно выплывая из подсознания, во все времена мешал человеку оценить важную роль волка в природе. В тех местах, где природные хищники были истреблены, дичи не становилось больше. Человек столкнулся с этим фактом на собственном опыте. Например, в Скандинавии были уничтожены ястребы-тетеревятники. И куропатки, ради которых это было проделано, сначала резко размножились, а потом, наоборот, сократили свою численность. Пришлось завозить новых ястребов из соседних стран и выпускать их на волю! То же самое произошло с северными оленями на Таймыре: после уничтожения практически всех волков с вертолетов среди оленей вспыхнули эпизоотии (т. е. эпидемии среди животных): копытка, бруцеллез, поражения внутренними паразитами, — в результате чего значительная часть оленей погибла. Правда, новых волков не завозили – они сами пришли на полуостров из соседней тундры, заняв освободившиеся места. Гибель оленей от болезней уменьшилась. Негативные последствия уничтожения волков люди испытали и в Северной Америке, и в Европе. В Татрах, куда случайно забрела пара волков, одно оленье стадо заметно выправилось по сравнению с другими стадами. На острове Айл-Ройял (США) улучшилось состояние лосей и обеспеченность их кормом после появления там волков. В Европе чудом уцелевшие волки были взяты под государственную охрану, а в Англии их сначала истребили, а потом завезли вновь.

Человек, который берется регулировать естественную численность животных, очень часто не справляется со своей задачей. Ведь у него и у природного хищника совершенно разные критерии. Охотники-спортсмены гонятся за престижными трофеями – самыми крупными, самыми красивыми животными, являющимися одновременно и хорошими производителями, обедняя тем самым генофонд популяции. Об этом можно было бы догадаться еще в XIX в.: во многих лесах Европы охота на самок и молодняк благородного оленя была запрещена, а разрешалось охотиться только на могучих самцов-рогачей. В результате оленьи стада стали мельчать и вырождаться. Для хищников главное – быстрее и желательно с меньшей затратой сил поймать свою жертву, чтобы насытиться. Именно поэтому они и охотятся на тех, кто слабее – больных или молодняк, еще не вступивший в размножение.

Многообразие собачьих пород

Итак, именно разнообразие поведения волка дало человеку такое множество рабочих качеств собачьих пород – от борзых, самостоятельно догоняющих и ловящих зайцев, до собак, не способных поймать и мыши и признающих лишь одного хозяина. Как же в результате искусственного отбора образовались такие поведенческие различия?

Кинологи полагают, что все дело в продлении и закреплении особенностей поведения волков в разные возрастные периоды. С генетической точки зрения такое вполне возможно: ведь и внешние признаки некоторых пород – висячие уши, укороченные лицевые кости – являются признаками инфантилизма, т. е. детского возраста. Были одомашнены прежде всего волки синантропных популяций, т. е. те, которые тяготели изначально к человеческим поселениям и относились к человеку спокойнее, с меньшим страхом. А это повлекло за собой изменение соотношения серотонино-адреналинового комплекса. Такие изменения в биохимии оказались столь важны, что повлияли и на внешний облик животных. И не только у волков. Например, одомашнивание лис на звероферме и отбор животных, самых «добрых» к человеку, привели к появлению пятнистых лис с висячими ушами! Одомашнивание повлияло и на биологию вида: лисы стали размножаться круглый год, а не в определенный период.

Отбор на инфантилизм (в поведении это дружелюбие к человеку, а во внешности – высокий лоб, висячие уши, крупные круглые глаза) оказался возможен, скорее всего, благодаря ранней остановке действия генов, ответственных за формирование тех или иных возрастных поведенческих комплексов. Значит, эти поведенческие комплексы у волков носили наследственный характер. А поведение взрослых собак тех или иных пород как бы копировало их.

Матерые, переярки и прибылые волки ведут себя совершенно по-разному. Во время охоты, как уже говорилось, матерые чаще всего поджидают в засаде, а переярки выступают в роли загонщиков. Если они и охотятся самостоятельно, то на мелкую добычу. Прибылые выражают любовь и подчинение взрослым, а также проявляют яркую исследовательскую реакцию. Гончие или борзые – вечные молодые – гонят зверя на охотника, хотя поймать зайца или лису борзые могут самостоятельно. При этом гончие работают нижним чутьем, идут по следу и заливисто лают. То есть искусственным отбором закреплена совершенно специфическая

особенность животных: большинство борзых полагается не на чутье, а на зрение – они должны видеть предмет преследования. А для того чтобы взять, например, волка, русскопсовым борзым была необходима еще и злоба к зверю. Недаром среди них выщеплялись злобные особи, которыми, по преданиям, помещики травили беглых крепостных.

На средневековых гравюрах можно найти изображения собак, по фенотипу напоминавших и гончих, и легавых, – их останавливала перед птицей прикрепленная к ошейнику палка. Выходит, знаменитую стойку легавых сначала вырабатывали как навык. Однако селекционный отбор шел в сторону тех собак, которые долго крались к птице и замирали перед ней – лежа или стоя. Сначала охотники набрасывали сеть и на птиц, и на собак, а уж потом развилась подружейная охота. Такое замирание перед добычей – только очень кратковременное – характерно для молодняка диких хищников и для животных, охотящихся в одиночку. После замирания в природе следует стремительный бросок...

Собака – это единственное домашнее животное, у которого специально сохраняли и закрепляли отбором агрессию по отношению к человеку и родственникам – другим псовым, как диким, так и домашним. Люди нуждались в верном стороже, охраннике и даже помощнике в бою, о чем сообщалось в древних летописях. В I в. до нашей эры кельты нападали на римских завоевателей вместе со своими собаками. От стрел и ударов меча собак защищали панцири и металлические ошейники. С помощью собак кельтам удалось одержать несколько побед, но скоро римляне переняли их опыт. Римские боевые собаки – аланы – охраняли Капитолий, а также шли впереди армии. В XV в. в битве при Мутене войско бургундского герцога Карла Смелого сошлось с объединенными войсками Швейцарской Конфедерации. Обе армии пустили впереди себя специально обученных боевых собак. Жесточайшая собачья драка закончилась победой швейцарской стороны. В сущности, такое поведение могло развиться из территориально-ранговых отношений, характерных для матерых зверей: иногда встреча двух стай на пограничной территории может закончиться дракой, и пришельцы будут вытеснены как можно дальше. Однако человек внес свои коррективы. В природе хорошо защищенному дикому виду, обладающему мощным оружием в виде клыков, невыгодно истребление своих представителей, поэтому и существуют позы угрозы и подчинения. Сам человек – существо биологически

довольно слабое (у него нет ни острых клыков, ни когтей, ни панциря) – пошел по совершенно новому пути – обретению разума, поэтому эволюционно человек – существо очень молодое, и, значит, все животные – это наши не меньшие, а старшие братья. За миллионы лет эволюции человек не успел выработать таких действенных биологических механизмов угашения агрессии, как у других животных, хотя поза подчинения у него тоже есть: вспомним поговорку «лежачего не бьют». И, сохранив агрессию у собаки, своего верного друга, человек, как мог, постарался уменьшить проявление поведенческих механизмов, блокирующих агрессию.

Охрана жилища от грабителей или овечьих отар от волков среднеазиатскими или кавказскими овчарками – это аналог защиты матерыми волками своей территории от чужаков.

Стаи беспризорных собак, которых прикармливают в одном каком-нибудь месте (не неся при этом ответственности за содержание!) – около гаража, склада или стройки, – встречают агрессией хозяйских собак или другие стаи, не состоящие с ними в родстве. Точно так же ведут себя деревенские собаки. (Но о нюансах территориального поведения будет рассказано ниже.)

Взаимоотношение хозяина и собаки, преданной только ему, – это отражение взаимоотношений членов одной семейной группы.

Сложнейшая работа, на которую способны колли (они могут самостоятельно управлять целым стадом овец, не пуская тех на посевы), имеет в своей основе погоню молодого переярка за копытными в сочетании с мудростью матерого, который стережет оленей или сайгаков, выбирая среди них тех, кто выбивается из общей массы. Кстати, даже выработка навыка конвоирования заключенных базируется на естественном поведении! С одной стороны, ее можно сравнить с тем, как волк следит за копытными, с другой – срабатывает инстинкт на убегающую добычу. На этих биологических предпосылках и строится специальная дрессировка.

При анализе поведенческих особенностей различных пород собак, характерных для всех крупных цивилизаций, становятся заметны определенные закономерности: в разных обществах как Старого, так и Нового Света возникала и реализовывалась потребность в породах собак с одинаковыми качествами. По тому, какие породы выводились в разное время, можно изучать историю. Скажем, наличие свободного земельного пространства в сочетании с существованием господствующей в обществе аристократии непременно порождало борзых. Похожие собаки появлялись в Древнем

Египте, Азии, Европе и завозились в Америку. И это свидетельствовало не только о наличии связей между разными странами и цивилизациями – в развитии самих цивилизаций имелось что-то общее.

Когда земля в разных странах ощетинивалась оградами частных владений – полей, пастбищ, — а происшедшие здесь революции приносили ненависть не только к аристократии, но и к собакам аристократии, начинали развиваться другие, пользовательные породы – караульные, пастушьи, а также породы собак, перевозивших тележки с грузами. Из охотничьих пород стали набирать силу подружейные, которые обнаруживали дичь на сравнительно небольшом пространстве.

При этом на характеристиках выведенных пород сказывались не только практические потребности населения и особенности местности, где эти породы разводились, но менталитет и национальные особенности людей, которые вели искусственный отбор. Например, в английских легавых ценилась, прежде всего, эстетика стойки, а в немецких – добычливость. Поэтому сеттеры и пойнтеры имели узкую специализацию (с ними охотились только на птиц), а курцхаары и особенно дратхаары охотились и на птиц, и на зайцев, и на копытных, умея ходить по кровяному следу подранков.

Общее повышение агрессивности людей в нашей постсоветской действительности привело к увлечению собаками бойцовых пород – бультерьерами, стаффордширскими терьерами и питбулями, в то время как на Западе оно уже прошло. Там оказались в большей степени востребованы ласковые, любопытные и жизнерадостные ретриверы, лабрадоры – породы, ведущие себя как прибылые волчата..

Глава 8 ДОМИНИРОВАНИЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ

Основными принципами построения сообществ высокоорганизованных животных являются принципы доминирования и территориальности.

Территориальность – наличие участка, охраняемого данным животным или группой животных. Хозяин участка одновременно выполняет роль доминанта, имея преимущественные права на ресурсы участка – кормовые запасы, самок, наличие удобных мест для логова и пр. При этом его решимость во время защиты участка уменьшается от центра к периферии.

Границы отдельных участков перекрываются, и в результате образуются еще более сложные системы сообществ. Собачьи сообщества носят смешанный территориально-ранговый характер, при котором территориальность и ранговость переходят друг в друга (об иерархии и рангах будет сказано чуть позже). Например, дворовые собаки имеют свою охраняемую территорию и на ней высокий ранг, однако за пределами своего участка они его мгновенно теряют. Недаром народная мудрость гласит: «На своем дворе всякая собака лает». Собаки заводских пород, привыкшие перемещаться со своей стаей (в том числе хозяином или членами его семьи), сохраняют высокий ранг даже в незнакомых местах.

По какому пути пойдет организация сообщества даже у одного и того же вида, зависит от запасов корма. Если корма мало и он встречается в отдельных местах, то выгоднее вести территориальный образ жизни, держаться парами либо образовывать лишь временные семейные группы, пока не подрастут щенки (дикие псовые, например лисы и шакалы). Если корм равномерно распределен по территории, то семейные группы формируются в стаи, сообща владеющие территорией. При этом имеются буферные зоны, где возможна встреча представителей разных стай с преобладанием иерархических отношений (волки, собаки-парии, свободно содержащиеся собаки аборигенных пород). При концентрации достаточного количества корма в одном месте (чаще всего отбросы вокруг каких-либо перерабатывающих производств или пищевых точек, а также распределение корма человеком, содержащим несколько животных одновременно) стайные животные переходят почти исключительно к ранговым отношениям.

Доминанты, субдоминанты и низкоранговые особи

Доминирование — превосходство одной особи над другой, которое проявляется на основе многих поведенческих реакций. Доминант, т. е. лидер, первый поедает пищу, определяет направление движения стаи, имеет преимущество при выборе полового партнера и т. д. Собаки легко определяют доминанта по запаху и набору демонстративных поз. Ниже доминантов стоят субдоминанты. Эти две группы и составляют высокоранговую часть сообщества. Остальные относятся к низкоранговым, хотя их ранги различаются между собой.

Какова же основная функция доминантов? Оказывается, что их главная задача – поддерживать определенный порядок в группе, они активно вмешиваются в любые внутригрупповые конфликты, прекращая их. То есть все конфликты внутри стаи вожаки воспринимают как бы адресованными самим себе. У волков и гиеновых собак доминанты в первую очередь защищают щенков от других особей. Кроме того, они принимают на себя удары извне, защищая стаю от серьезного нападения чужаков. Между прочим, за счет этого они постоянно находятся в стрессовой ситуации и поэтому не всегда реализуют свои привилегии в выборе половых партнеров.

Доминантами у собак, как правило, рождаются. Доминантность, как и агрессия, определяется соотношением гормонов, передающихся по наследству. Не вдаваясь подробно в биохимические особенности организма, можно лишь отметить, что главной способностью доминантов является быстрое вхождение в стресс и столь же быстрый выход из него, – это и определяет успех доминирования, тогда как другие особи, попав в стрессовые условия, рискуют заболеть и даже погибнуть. У потомства высокоранговых особей в большой стае, владеющей достаточно обширной территорией, имеется больше шансов сформироваться высокоранговыми.

Эти шансы резко уменьшаются в парах отец — сын, мать — дочь на ограниченной территории (например, в городской квартире). В этом случае, наоборот, происходит подавление молодого животного (вплоть до гормонального, на уровне запаховой коммуникации). Вот почему, если мы оставляем щеночка от собственной суки или кобеля, у нас часто вырастает подлиза и подхалим...

На мышах доказано существование двух типов доминантов – нормальных и сверхагрессивных. Первые, отранжировавшись, устанавливают правильные иерархические отношения, вторые – не реагируют на позу подчинения и даже нападают на самок. Такие

сверхагрессивные животные, так называемые сверхдоминанты, обычно страдают от гормональных нарушений; они встречаются также у копытных и в естественных условиях ведут жизнь одиночек.

Вероятно, сверхдоминанты существуют и у собак (поведение отдельных неуправляемых кобелей, в частности южнорусских, кавказских и среднеазиатских овчарок, ротвейлеров и других пород, объясняется не только дефектами воспитания и развития, но и гормональным нарушением).

Кроме доминантов имеются *субдоминанты*, готовые при определенных условиях занять место доминантов. Если у волков, как правило, регулярно размножается пара матерых зверей, то у собак значительное количество потомства оставляют субдоминанты. Они также берут на себя такие функции, как определение движения стаи или группы собак, т. е. из среды субдоминантов выдвигаются *лидеры*. Понятия *лидер* и *вожак* различаются, хотя при переводе с иностранных языков их часто путают. Лидер у копытных, а также у псовых – животное с ярко выраженным исследовательским поведением – определяет направление движения стаи, но не пользуется всем спектром привилегий вожака. Бывает, что у какого-нибудь субдоминанта имеется повышенный пищевой инстинкт, тогда и до запасов пищи он доберется первым. Интересно, что субдоминанты первыми бросаются отгонять чужаков, но при серьезной стычке в бой вступают вожаки.

В Таджикистане, а также в двух московских питомниках (среднеазиатских овчарок и чукотских ездовых) и на примере безнадзорных животных я неоднократно наблюдала ситуации, когда высокоранговые суки провоцировали к нападению на чужаков – собак или людей – молодых низкоранговых собак, делая в сторону пришельцев ложные выпады.

При этом волчицы и суки аборигенных собачьих пород, как уже говорилось, ведут себя по отношению к конкуренткам значительно более жестко, чем кобели.

На собаках аборигенных пород я наблюдала попытки переранжироваться между субдоминантами. Они задирали вожака стаи или совершенно незнакомых собак, стараясь показать другому субдоминанту, какие они «храбрые»!

Что касается *низкоранговых особей*, то они никогда не становятся доминантами. Это сказывается на всем их поведении. Напри-

мер, у крыс доминанты обнаруживали в поведении меньше отклонений от нормы. У подчиненных наблюдались резкие изменения в защитных реакциях, половом, исследовательском поведении и на биохимическом уровне; обращал на себя внимание высокий уровень смертности.

Однако среди собак низкоранговым живется не так уж плохо. Далеко не всегда они оказываются в положении всеми обижаемых парий, а значит, хронического стресса. Их жизненная установка – «я маленький, я слабенький, меня нельзя обижать» – и сразу принимаемая поза подчинения обеспечивает защиту от более высокоранговых особей. Свою угрозу те обычно ограничивают предупреждением, в результате чего низкоранговым удается урвать лучшие куски; кроме того, они не бывают лишены полностью участия в размножении: иногда суки, повязавшиеся с высокоранговым кобелем, вдруг спариваются с низкоранговым. Смысл такой «измены» – в сохранении изменчивости в генотипе. (По наблюдениям М. Сотской и А. Пояркова, это обычное явление у беспризорных собак.)

Когда и как формируется иерархия

Впервые ранговое положение собаки проявляется в возрасте от 3 до 10 недель. Опытный заводчик, наблюдая за игрой щенков, может определить, кто из них старше рангом. Это делается по зачаткам демонстративных поз (с возрастом позы становятся более четкими), по степени активности, охотному знакомству с новыми людьми и вещами, способности первым добираться до еды или отнимать игрушки у сверстников и охранять их, проявляя агрессию.

Ранги закрепляются или изменяются в возрасте от 10 недель и до 2 лет. Это происходит под влиянием средовых и социальных факторов. К первой группе факторов относятся условия содержания: растет ли щенок на одной территории или с ним регулярно и подолгу гуляют, знакомя с новыми местами, предметами и явлениями. Так, при содержании в вольере или во дворе на цепи высокий ранг у собаки может замаскироваться резким закреплением территориальности: доминант чувствует себя таковым лишь на известной ему территории. Поэтому страшные караульные псы питомников часто трусят, попав, например, на выставку. Повышению ранга способствует приток любой новой информации. Ко второй группе факторов принадлежит общение со сверстниками (оно должно быть обязательным!), поддержка со стороны вожака-человека или, наоборот, подавление старшей собакой.

В стае или при территориальном образе жизни социальная поддержка вожака (человека) легко превращает субдоминанта или даже низкоранговую особь в доминанта. Иногда облегчающими условиями служат совершенно неожиданные факторы среды: в литературе описан классический случай, когда доминантом стал молодой шимпанзе, научившийся... греметь пустыми канистрами из-под керосина.

В деревнях средней полосы дворовые собаки, завидев человека с чужой собакой, активно облаивают обоих. Так же поступают беспризорные собаки. Иногда они решаются напасть на чужаков (это зависит от поведения человека и ранга идущей рядом с ним собаки), но значительно чаще их удается отогнать и держать на почтительном расстоянии. Поэтому некоторые бродячие собаки пристраиваются к случайному прохожему, торопливо выказав ему свое почтение – приседают на лапах, машут хвостами, – и проходят через вражескую территорию в подобном сопровождении. Для среднеазиатских овчарок на их родине социальная поддержка человека резко повышает ранг собаки и самого человека. Если на одиноко идущего незнакомца – а тем более собаку – среднеазиатские овчарки бросались, то стая, состоящая из человека с собакой, даже не вызывала реакции облаивания. Однако это сильно зависело от самого человека (боится он собак или нет) и от ранга и поведения идущей с ним собаки.

До года ездовые собаки одной семейной группы стараются держаться вместе, тщательно избегая конфликтов с собаками других упряжек.

Зарубежные исследователи моделировали стайное поведение собак, создавая стаи из разных пород. При этом выяснилось, например, что фокстерьеры более агрессивны, чем колли, однако и у тех, и у других установление ранговых отношений снижает количество конфликтов. В сообществах спаниелей драк не бывает вообще. В сообществах иберийско-андалузских гончих стая распадалась на более мелкие группы, образованные в первую очередь кобелями, к которым избирательно присоединялись те или иные суки.

Необходимо более подробно коснуться такого понятия, как *агрессия*. В старой российской кинологической литературе агрессию часто называли «активно-оборонительной реакцией», что является неверным. Говоря об агрессии в настоящее время, подразумевают агрессивное отношение к особям своего вида или того вида, который входит в стаю, сообщество.

Некоторые ученые, в том числе К. Лоренц, полагали, что агрессия такой же инстинкт, как, скажем, пищевой. Им удавалось разложить агрессивное поведение на три акта, присущие всем инстинктам: поиск цели (не пищи, так противника), взаимодействие с уже обнаруженной целью (не поедание пищи, а драка) и покой после достижения цели. Современные ученые считают агрессию лишь формой проявления других инстинктов:

территориального, т. е. защиты своего участка от чужаков;

иерархического, т. е. утверждения своего социального ранга в стае;

полового, т. е. агрессии самцов и самок по отношению друг к другу; поэтому у многих видов животных при ухаживании существует сложный ритуал умиротворения, у сук поза *лордоза* – готовности к спариванию – отчасти напоминает позу подчинения;

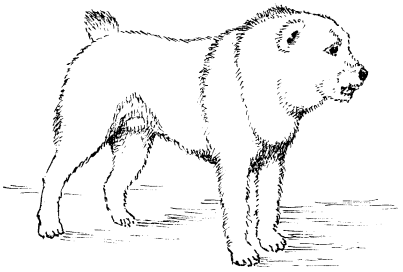
родительского, т. е. защиты потомства;

инфантицида, агрессии родителей к детенышам, своим или чужим; волчицы и особенно суки аборигенных пород способны уничтожать чужих щенков (значительно реже агрессию к щенкам проявляют кобели); агрессия к подрастающим щенкам способствует их расселению – они отправляются захватывать новые территории.

Об охотничьей или пищевой агрессии можно говорить только в том случае, если добыча по силам соизмерима с хищником. Не проявляем же мы агрессии, скажем, к колбасе?! У Дж. Лондона есть прекрасный рассказ о золотоискателе, засыпающем у костра в окружении волчьей стаи, которую возглавляет собака-вожак. Не вдаваясь в проблему особенностей поведения волчье-собачьих гибридов или одичавших собак (ситуация, описанная автором, в целом неправдоподобна), можно выделить, однако, одну деталь, которая поражает своей точностью: волки смотрели на человека

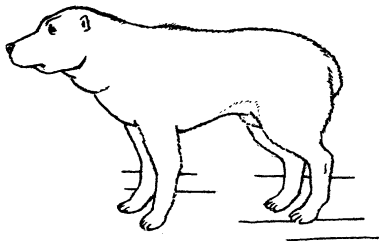
без всякой злобы, повиливая хвостами от возбуждения и облизываясь...

И все же в первую очередь агрессия – это механизм регуляции социальных отношений. Обратной стороной агрессии всегда является страх.

Высокоранговая собака угрожает противнику. Но если противник примет позу подчинения, драки не будет

Агрессия определяется содержанием в организме и соотношением гормонов – адреналина, дофамина, эндорфина и тестостерона. Первый относится к стрессовым гормонам, два других определяют общее состояние и настроение, а последний – половой статус. Биохимические показатели носят наследственный характер, т. е. у агрессивных родителей рождается агрессивное потомство. При одомашнивании практически всех животных человек отбирал из них тех, кто был наименее агрессивен к нему. Но как уже говорилось, собака всегда занимала особое место – ведь человек во все времена нуждался в надежном стороже и боевом друге. Поэтому одни породы до сих пор сохраняют злобу и недоверчивость к посторонним, а у других пород проявление агрессии крайне редко как по отношению друг к другу, так и по отношению к человеку.

Низкоранговая собака в позе подчинения: хвост прижат, голова опущена, присела на лапах

Доминантность разных пород собак резко отличается друг от друга. Четко выраженные ранги и иерархическая структура стаи наблюдаются у собак, способных к агрессии. Это традиционно служебные для России породы: южнорусские, немецкие и восточноевропейские овчарки, ротвейлеры, ризеншнауцеры, эрдельтерьеры, доги, боксеры, а также аборигенные породы – кавказские и среднеазиатские овчарки. Сглажены ранговые отношения у собак-компаньонов, отбор на агрессивное поведение которых при селекции не проводился (ретриверы, лабрадоры, кокер-спаниели, бобтейлы, за исключением выщепления из общего генофонда отдельных агрессивных особей, подлежащих выбраковке).

ОХОТНИЧЬЕ ПОВЕДЕНИЕ **Глава 10**

Волки имеют две формы охотничьего поведения: индивидуальную охоту на мелких зверей и птиц и стайную охоту на превосходящего по силам противника. У охотничьих пород собак охота на любых животных происходит в «стае» с человеком. Исключение составляют те аборигенные породы, которых держат на полувольном содержании: часть пищи они добывают себе сами. Например, среднеазиатские овчарки, приученные к скоту, никогда его не трогают (собаки с отклонением в поведении просто уничтожаются), но ловят мышей, ящериц и другую мелкую добычу. В отличие от них, ездовые собаки, привезенные в среднюю полосу с Севера, начинают активно гоняться за лошадьми или коровами, в то время как в тундре они сами добывают себе леммингов, птиц и вообще всякую живность, с которой сумеют справиться. Точно так же и охотничьи собаки, выросшие в городе, могут нападать на домашних животных, оказавшись в деревне. Довольно редко аборигенные или охотничьи породы рассматривают как добычу других собак. Выбор чаще всего падает на тех собак, которые ведут себя иначе, чем они: либо дворняжек, либо мелких собачек, чьи хозяева не приучили своих питомцев нормально общаться с другими собаками. Такие собаки в нарушение всех собачьих ритуалов сначала нападают с лаем, потом убегают. В общем, они ведут себя как «добыча». И выход тут только один: обучать своих собак общаться друг с другом, пресекать любые попытки гоняться за иными домашними животными, а при необходимости – соблюдать осторожность и водить своих питомцев на поводке.

Охотничье поведение проявляется у щенков в том же возрасте, что и социализация (см. главу 14 «Развитие щенков: до рождения и после»). Ранжируясь между собой, они тренируются наносить укусы. В это же время щенки наиболее активно реагируют на движущиеся предметы – это общий инстинкт для любых пород собак. Однако настоящее охотничье поведение формируется у тех пород, у которых оно востребовано человеком.

Охотничьим собакам необходимы хорошее чутье (верхнее и нижнее), поиск и страсть к добыче. Эти элементы поведения закреплены генетически.

Злобу к зверю, агрессию проявляют, например, лайки, работа-

ющие не только по медведю, рыси, но и по семейству куньих – от россомахи до колонка, а также терьеры и таксы, которые нападают на добычу в норе, на территории самой жертвы. В книге «Охотничье собаководство» , в частности, говорится: «По своему отношению к медведю лайки могут быть разделены на собак трусливых, поджимающих хвост и убегающих в страхе от зверя, собак, облаивающих медведя на расстоянии, но не дающих ему хваток (это так называемые берложницы, пригодные для розыска берлог), и, наконец, на собак смелых и злобных, не только облаивающих, но и дающих медведю при удобном случае хватки. Эти последние называются бойцовыми лайками».

Не правда ли, результаты напоминают те, что получил Л. В. Крушинский в экспериментах с немецкими овчарками и эрдельтерьерами?

И далее в той же книге: «При правильном воспитании и притравке лаек к медведю у хорошего, смелого охотника из более злобных, вязких[1] берложниц могут вырабатываться бойцовые собаки.

Одиночные бойцовые собаки, способные остановить медведя, очень редки.

Малое количество бойцовых собак в ряде случаев зависит от того, что не организована систематическая притравка их к медведю». Следовательно, агрессия у охотничьих собак, как и у служебных, передается по наследству, а все остальное зависит от воспитания и обучения. Разные проявления охотничьего инстинкта требуют закрепления и совершенствования с помощью условных рефлексов, накопленных в индивидуальном опыте собаки.

Обучение большинства пород начинается в семи-восьмимесячном возрасте (в том же возрасте, когда у волков прибылые начинают сопровождать переярков в их охотничьих экспедициях). Для многих пород в первый поход на охоту советуют брать с собой уже взрослую, опытную собаку – она лучше человека научит щенка наиболее удачным охотничьим приемам. Ну а если такой собаки нет, то самому охотнику приходится брать на себя роль учителя.

Охотничье поведение у разных пород проявляется по-разному. Например, лаек учили убивать прибылых волчат на «логовах» (охотничье выражение, т. е. в логове), закрепляли явление, близкое к инфантициду.

---

[1] Вязкость – упорство в преследовании зверя (охотничий термин) *(здесь и далее примеч. авт.)*.

Лайки, гончие, легавые обыскивают угодья впереди и по обеим сторонам движения охотника, работая чутьем, но активно используя также слух и зрение. Самый рациональный поиск – челноком, как у розыскных служебных собак, – они осваивают далеко не всегда, однако некоторые, чаще легавые, пользуются им после специального обучения.

Совершенно особую группу составляют борзые: они работают исключительно с помощью зрения.

Садки[1] борзых с XIX в. традиционно проводились по зайцу (кролику в странах Западной Европы или Америке) на резвость и на злобу по волку. Они собирали множество зрителей. В первом случае за каждым зверьком пускали по две борзых. Заяц мчался по чистой площадке садочного поля и, если успевал юркнуть в открытые воротца зайчатника (или крольчатника), сохранял себе жизнь... до следующего раза. Борзых сравнивали, и победившая получала приз. (Позднее из таких садков родилось спортивное направление с использованием борзых — курсинг – гонки за механическим зайцем.) Злобу к волку проверяли так: пускали борзую в одиночку на прибылого, парами – на переярка и сворой (по три) – на матерого.

С восточными аборигенными борзыми (та́зами, тайганами) охотились чаще всего на лис и зайцев, но иногда и на копытных, распространенных в той или иной местности (косулей, сайгаков, джейранов и др.). В Средней Азии с тазами охотились по ночам на барсука: собака догоняла зверька, не давая ему уйти в нору. Подоспевший охотник прижимал барсука рогулькой. Тазы и тайганы ловили даже сурков. Охотник с собакой подкрадывался к сурковой колонии и из-за укрытия высматривал отошедшего от норы зверька, потом показывал его собаке. Опытная собака ползла на брюхе, подкрадываясь к сурку, и стремительным броском отрезала ему путь к норе. Горных козлов борзые загоняли в скалы на отстой[2] до подхода охотника с ружьем – такая манера скорее напоминала работу гончих или лаек. Волка восточные борзые брали группами по две-три собаки.

Кроме того, восточные борзые работали не только вместе с человеком, но и с ловчими птицами – соколами, беркутами. В

[1] Садка — проверка охотничьих качеств на огороженной территории.

[2] Кабарга, горные козлы и другие копытные, живущие в горах, используют при нападении хищника какой-нибудь скальный выступ, куда тому не добраться, где и пережидают опасность.

этом случае собаки выгоняли зверя из кустов, а охотник пускал птицу.

В прежние времена охотились с большой стаей гончих. При этом, как и борзым, собакам приходилось двигаться вместе с конными охотниками. Они были обучены взаимодействовать друг с другом: кучно «течь» в одном направлении, избранном охотником, не отвлекаясь на отдельных выскочивших зверей, «подваливать» на голос собак другой стаи, нашедших нужного зверя. По окончании охоты стая созывалась звуком охотничьего рога. С переходом на подружейную охоту, когда пеший охотник брал с собой одну-две собаки, потребовались другие качества: лучшее взаимодействие с человеком и умение в одиночку найти и погнать зверя. Если у охотника нет уже обученной собаки, то даже «скидки» зайца ему приходится разбирать самому и показывать молодой собаке потерянный след!

Характерное для легавых поведение – *потяжка* (замедленное движение к дичи против ветра), *стойка* (замирание в определенной позе перед птицей) и *подводка* (осторожное движение к птице после стойки по приказу охотника) – складывается как из наследственной для данной породы программы (характерный тип стойки), так и обучения. Оно сформировалось из естественного поиска добычи по запаху, подкрадывания к ней так, чтобы она не почуяла охотника (движение против ветра), кратковременного замирания перед броском и быстрого броска, чтобы схватить жертву. Подкрадывание легавой должно быть таким, чтобы не спугнуть птицу, но быть на виду у охотника. Стремление броситься и схватить дичь пресекается, собаку обучают медленно вспугивать ее, чтобы дичь взлетала достаточно спокойно, удобно для выстрела, во время которого собака должна припасть к земле.

Все охотничьи породы приучены отдавать убитую добычу охотнику – иначе смысл охоты теряется! Борзым и гончим дается запрещающая команда, некоторые легавые сами подносят убитую птицу охотнику. Многие породы специально выводились для поиска и подачи убитой птицы (например, ретриверы). Иначе говоря, долгое время шел отбор на апортировку, естественным прообразом которой служили игра и таскание съедобных и несъедобных предметов в зубах.

СОБАЧЬИ БОИ **Глава 11**

Традиция травли одних животных другими пришла к нам давным-давно. Собаками травили быков, хищных зверей, терьерами – крыс. Селекция терьеров в Европе привела к появлению бойцовых собак – бультерьеров, питбулей, стаффордширских терьеров и т. д. Хотя в других странах были свои бойцовые породы: в Японии – тозя-ину, Азии – среднеазиатские овчарки (туркменские алабаи). Бойцовое прошлое некоторые авторы приписывают эрдельтерьерам. Так, в книге «Эрдельтерьер» рассказывается о 45-минутной схватке суки-эрдельтерьер Флосс с сукой предшественником стаффордширского терьера – бульд-энд-терьер. Послед- няя лидировала в течение получаса, но Флосс все же убила ее. А на берегах реки Эйр терьерами травили водяных крыс. Собаки находили крысиную нору, туда запускался хорек, чтобы выгнать крысу, и, когда та бросалась в воду и проплывала, не высовываясь наружу, до тридцати с лишним метров, на нее спускались собаки. Чтобы обнаружить крысу, они плавали кругами, кидались на крысу каждый раз, когда она показывалась на поверхности. Награду получала собака, убившая крысу.

По мере развития цивилизованных отношений принимались правила, запрещающие собачьи бои и травлю многих животных.

В бойцовом поведении собак смешиваются два поведенческих механизма – охотничье поведение (напомним: агрессия проявляется только к противнику, сопоставимому по силе с охотником) и выяснение ранговых отношений, при которых агрессивное поведение почти не снижается позами подчинения, что достигалось селекционной работой. Бои происходят на территории, одинаково незнакомой двум животным, поэтому территориальное поведение не имеет серьезного значения, хотя победителем считается тот, кто вытесняет противника с ринга.

Выше уже говорилось, что понятие «добыча» для хищников семейства псовых может проходить по одному и тому же виду: ручные волки считают знакомых собак членами своей стаи, а чужих – добычей. То же относится и к собакам, поэтому в некоторых странах считается опасным обучать бойцовые породы агрессии к людям. Правда, результаты такого обучения бывают самые разные.

В России собачьи бои сначала были легальными, хотя и вызывали бурю негодования у защитников животных. Впоследствии их запретили, и они стали происходить подпольно. В результате завезенная масса бойцовых пород – бультерьеры, американские и английские стаффордширские терьеры – оказалась безработной. Волна увлечения этими породами схлынула, и их численность уменьшилась. Более того, как и на Западе, произошло «перепрофилирование» пород. Бойцовые качества привозных собак, которые не поддерживались жестким селекционным отбором, стали быстро теряться в последующих поколениях. Например, у стаффордширских терьеров выявилось одно несомненное достоинство – крепкая, стрессоустойчивая психика. В результате они оказались пригодны практически для любого использования и любой дрессировки, в том числе собак-компаньонов. Все зависит от начальной дрессировки, полученной еще щенком.

Однако в руках полуграмотных и малокультурных владельцев агрессивные собаки до сих пор представляют опасность. Однажды в специализированном журнале по отдельной породе проскочила статья, как обучить собаку драться, используя и охотничью, и ранговую методики. Читать эту статью, в которой к беспородному щенку предлагалось привязывать мясо, чтобы возбудить дикие инстинкты тяги к крови, честно говоря, нормальному человеку без садистских наклонностей было мерзко... Настоящие знатоки боев утверждают, что тренировать собак можно, только используя равных по силе противников. Поощрение нападения бультерьера, скажем, на беспородную собаку сравнимо с тем, как мог бы тренироваться боксер-тяжеловес, сшибая на улицах старушек и детей.

Подпольные бои все еще проводятся. Но интерес к ним не так уж и велик, в том числе и потому, что они оказались... незрелищными мероприятиями. Две сцепившиеся собаки, которые грызутся на малом пространстве, не выпуская противника из зубов, стараются добраться до глотки или шейных позвонков, достаточно скоро надоедают зрителям. Они остаются интересными только профессионалам.

Естественные ранговые, по большей части ритуальные бои кобелей – с напряженной позой угрозы и позой подчинения слабейшего, покидающего чужую территорию, – на самом деле производят куда более сильное впечатление!

Со слов профессора К. Горелова, количество туркменских ала-

баев на их родине, в Туркмении, резко возросло именно благодаря возрождению интереса к собачьим боям. Пастухи намеренно стравливают псов в свободное от пастьбы время, но это лишь развлечение, а сильные, здоровые собаки реально нужны им для охраны овец от волков.

Поэтому, судя по всему, будущего у собачьих боев все же нет.

Глава 12 «ЯЗЫК» СОБАК

Собака, как уже говорилось, социальное животное. Все современные дикие родственники собак ведут стайный образ жизни, и существование собак вне стаи немыслимо.

Под *общением* у животных понимают влияние поведения одной особи на поведение другой. При общении происходит согласование поведения и получение информации об окружающей среде не непосредственным путем, а через информатора, что иногда бывает крайне важным, а также передача опыта, когда одно животное в поведении подражает другому.

Общение происходит с помощью *сигналов*. Одной из характеристик любого сообщества животных является наличие *коммуникаций*, т. е. способа передачи сигналов. Чем выше организовано животное, тем сложнее коммуникации, тем больше объем передаваемой информации.

Какая же информация заключена в «языке» животных?

Идентификация отдельной особи («это я!») или *целой группы* («это мы!»).

Прогноз того, что данное животное сейчас сделает: нападет, убежит, начнет ухаживать, предложит следовать за собой или разделить какое-то действие (игру или даже поедание найденной пищи).

Предупреждение о замеченной опасности.

Сложные абстрактные понятия, которые передает человек с помощью речи – второй сигнальной системы, – собакам недоступны. Поэтому слово «язык» животных взято в кавычки.

Зато собаки прекрасно передают свое эмоциональное состояние и столь же легко воспринимают эмоциональное состояние человека.

У собак существует три типа коммуникаций.

Химическая, или *хемокоммуникация,* – с помощью пахучих веществ. Собаки метят свою территорию, запасы пищи, а то и друг друга. Владельцы собак знают, какому пристальному вниманию они подвергаются, когда возвращаются из гостей, посещая те дома, где есть свои домашние любимцы. Их собственные животные долго и придирчиво обнюхивают хозяев, едва удерживаясь от желания поставить на них собственную метку. Кстати, у дворовых псов это принято, особенно во время спаривания, они вполне могут

поднять лапку на свою партнершу. Вполне благовоспитанные домашние собаки способны надуть лужу, если в квартиру приведут чужака. Кобели делают это чаще, но иногда так поступают и суки. Наказывать собак за это бесполезно, так как это является естественной реакцией.

Все собаководы видели, как собаки метят территорию – столбики, деревья, бугорки, – и знают, какую богатую информацию получают их четвероногие любимцы от этих меток. По запаху собаки определяют пол, возраст, физиологическое и эмоциональное состояние, ранг друг друга, даже узнают, какую пищу перед этим ели и чем занимались. В состоянии течки суки метят территорию, привлекая кобелей. Кобель и сука в результате взаимного обнюхивания определяют симпатию или антипатию друг к другу, а может быть, и генетическую совместимость, не говоря уже о состоянии половой охоты.

Замечательное описание того, как собаки пользуются своими СМИ – столбиками, – находим в рассказе Э. Сэтона-Томпсона «Бинго» из его легендарной книги «Рассказы о животных»:

«Я видел, как Бинго подходил к столбу, нюхал, исследовал землю вокруг него. Он рычал, ощетинивал шерсть и, сверкая глазами, принимался яростно и с презрением скрести землю задними ногами. В переводе на человеческий язык это означало следующее: “Опять эта грязная дворняга, пес Мак-Картни! Я ему задам сегодня ночью”.

В другой раз случалось, что, обнюхав столб, Бинго внезапно с волнением изучал след шакала. “След шакала, идущий с севера и притом пахнущий околевшей коровой. Это стоит расследовать”.

Иногда же он принимался махать хвостом, бегал кругом и возвращался к столбу, чтобы еще заметнее сделать свое посещение, – может быть, для того, чтобы его брат Билл, вернувшийся из Брендона, узнал его. Таким образом, вовсе не случайно однажды вечером Билл явился в гости к Бинго...

Бывало и так, что весть, которую Бинго узнавал у столба, потрясала его до глубины души. Тогда он бежал по следу к следующей станции, чтобы там получить более свежие новости.

Порой я замечал, что он внимательнейшим образом осматривал столб, точно спрашивал себя: “Кто это мог быть?..”

Или как будто размышлял, исследуя столб: “Кажется, я встречался с ним прошлым летом у переправы?”»

Однако столбик столбику – рознь! Во-первых, желательно, чтобы он был уже помечен предшественниками, во-вторых, он должен чем-то привлекать внимание, отличаться от похожих столбиков – быть или выше, или шире, или с какой-нибудь отметиной.

В нашем доме жил слепой доберман-пинчер. Я обратила внимание, что он, хотя и вынюхивал те места, где оставили свои метки другие кобели, чаще, чем они, поднимал лапку на ровном месте. Мне несколько раз приходилось ездить в поездах дальнего следования с собаками, в том числе с эрдельтерьером Джоем. Мы выскакивали на перрон на тех станциях, где поезд стоял не менее десяти минут, и принимались метаться в поисках подходящего места для того, чтобы пес мог задрать лапку. Ну, ясное дело, люди будут возражать, если он сделает это на клумбе с цветами, украшающей вокзал. А ровные рельсы, поросшие чахлой травкой и пахнущие мазутом, его не привлекали! В считанные минуты нужно было найти угол какого-нибудь забора, пучок травы или столбик, где отметился местный Бобик. Конечно, мы с собакой решали эту задачу, но как я нервничала, опасаясь, что поезд тронется! С суками, кстати говоря, проблем было меньше: мои ризеншнауцеры, Гретхен и ее дочь Мойра, соглашались присесть и на железнодорожные пути.

2. *Звуковая,* или *акустическая, информация* – вся гамма звуков, которые издают собаки – лай, вой, рычание, визг, скуление и т. д. Есть звуки фоновые, а есть звуки, несущие информацию. Собака лает от возбуждения, оно может быть вызвано страхом, растерянностью, радостью, яростью. Очень часто лай — это призыв к какому-то общему действию, например игре, или приглашение следовать за собой. Лай или рычание – сигнал тревоги, выражающей настороженность и предупреждение, обозначение посторонних раздражителей – появление чужих людей или животных. Вой – чаще всего сигнал одиночества, призыв собраться вместе. Скулить собака может и от боли, и от нетерпения.

Все звуки, издаваемые собаками, – прекрасная информация об их состоянии и намерениях на ближайший момент. Можно подойти к отчаянно лающей чужой привязанной собаке, если речь не идет о нарушении кинологической этики, и безбоязненно погладить ее. Ведь она лаяла от скуки и одиночества! Но следует обойти подальше привязанную собаку, которая либо рычит, либо в ее лае слышатся агрессивные или трусливые нотки: уку-

сить собака может, как известно, и от злости, и от страха, особенно если ей некуда деваться.

3. *Зрительная,* или *визуальная, коммуникация* – все богатство демонстративных поз: позы угрозы, подчинения, приветствия, ухаживания. Кроме демонстративных поз, существуют еще микродвижения, аналогичные человеческой мимике. Кстати говоря, собаки прекрасно ориентируются в настроениях хозяина, лишь взглянув ему в лицо, – они тоже «считывают» информацию, задаваемую мимикой. Помимо этого они улавливают человеческие микродвижения и очень часто ориентируются по ним. Особенно это заметно во время дрессировки: дрессировщик способен совершенно непроизвольно подсказать своему питомцу правильное решение или, наоборот, сбить его с толку. Такое умение постичь настроение и угадать его желания подчас граничат с мистикой. Именно поэтому про собак часто говорят: «Они все понимают, но сказать не могут!»

Собака в спокойном состоянии

Позы самих собак бывают так выразительны! Их понимание – ключ к управлению: можно предотвращать драки, вовремя отзывая собак, или, наоборот, не вмешиваться, если становится ясно, что собаки соблюдают ритуал обнюхивания и драка не предвидится.

Несведущие люди часто говорят: «Кто ее, собаку, знает, что у нее на уме?» На самом деле у собаки на морде буквально написано все, что она сделает в следующий момент. Собака «говорит» ушами (прижаты они или насторожены), глазами, губами и зубами: стянутые в угрозе губы, наморщенный нос – признак решимости, а оскаленные зубы, но растянутые в «полуулыбке» челюсти – признак неуверенности. Неожиданность поступков можно объяснить лишь ненаблюдательностью человека.

Если собаки научаются понимать нас, то чем мы хуже?! Мы тоже вполне способны овладеть собачьим «языком» – запомнить все увиденные позы, принимаемые собаками, и нюансы издаваемых ими звуков, чтобы безошибочно предсказывать поведение как соб-

Собака, уверенная в себе, угрожает: уши прижаты, кожа вокруг носа наморщена, уголки губ стянуты, оскалены только передние зубы. Чем менее она уверена в себе, тем оскал будет шире

Собака напугана: уши прижаты, голова опущена, вид «виноватый»

ственных питомцев, так и всех встреченных собак. Нам не постичь лишь языка запахов...

Знаменитый конфликт между кошками и собаками обусловлен тем, что эти животные «говорят на разных языках». Их «язык» зачастую прямо противоположен. Например, собака, опрокинувшаяся на спину, демонстрирует позу полного подчинения. А для кошки упасть на спину, выставив вперед все четыре лапы с когтями, – это крайняя степень защиты. Можно себе представить, какой шок получит собака, попытавшаяся обнюхать такую кошку! Однако поведение наших домашних любимцев настолько пластично, что они приспосабливаются друг к другу, выучив «иностранный язык».

Мой старый кот трется о ноги собак, выгнув спину, точно так же, как и о мои. А среднеазиатка, пришедшая в нашу стаю позже всех, в таких случаях наклоняется и начинает мусолить его языком, выражая приветствие доступным ей способом.

Разница в поведении сук и кобелей

Разница в поведении сук и кобелей бывает отчетливо заметна. Суки, как правило, более привязаны к человеку, мягче в обращении, менее агрессивны, легче дрессируются. Кобели более драчливы, у них может доминировать половое поведение, и тогда они убегают от хозяев в поисках суки. Суки поступают так во время течки. Волки, предки собак, ведут моногамный образ жизни, т. е. пары у них образуются на долгий срок; в выращивании потомства принимают участие оба родителя. Домашние собаки обыкновенно полигамны, вязка породистых собак происходит под присмотром человека, некоторую тенденцию к помощи в выращивании потомства проявляют лишь отдельные кобели, чаще аборигенных пород (например, ездовые собаки).

Естественные гормональные циклы сказываются и на поведении сук. Перед течкой собаки становятся перевозбужденными, во время течки – ласковыми и игривыми, значительно менее агрессивными к любым другим собакам, после течки постепенно успокаиваются, а если у них начинается ложная беременность, то они опять становятся ласковыми только к знакомым людям и более агрессивными – к другим собакам. И в самом деле, природа говорит собакам, что во время течки надо найти полового партнера и повязаться с ним, а после течки – начать оберегать себя во время беременности, найти и построить место для логова, а когда родятся щенки – защищать их от всех, в том числе и от представителей своего вида. Это описание, так сказать, общей тенденции, из которой бывают исключения (например, суки проявляют агрессию к кобелям даже в период половой охоты), которые зависят от индивидуальных особенностей собаки.

Природные механизмы ограничивают агрессивные столкновения сук и кобелей. Как правило, у собак, которые выросли в нормальных условиях – при общении друг с другом, – настоящие драки между разнополыми собаками невозможны. Они ограничиваются короткими стычками – за косточку, игрушку, при этом суки имеют определенные преимущества. И лишь бойцовые или охотничьи собаки могут нарушать запреты, воспринимая других не просто как чужаков, но иногда и как особей другого вида.

Садки друг на друга однополых собак случаются, как правило, во время игры молодых животных. И человеческое восприятие «фу, как не стыдно!» не имеет к такому поведению никакого отношения, являясь всего-навсего очередным антропоморфизмом. Очень часто игровые садки переходят в установление ранговых отношений, и в дальнейшем их совершают лишь доминирующие животные. Иногда суки делают садки друг на друга во время течки или ложной беременности.

Собачья свадьба

Если речь идет о беспризорных собаках, то собачьи свадьбы совсем не такое стихийное и неупорядоченное действие, как это может показаться. Мы можем наблюдать весь спектр перехода от моногамии к полигамии. Суки спариваются в первую очередь с самым сильным и привлекательным кобелем, являющимся доминантом. Количество кобелей, которым удается спариться с сукой, зависит от ее индивидуальных особенностей. Если кобелей больше, чем один, то это не случайные кобели, а одной с ней стаи – живущие на той же территории, что и она. (В случайном порядке частенько спариваются суки, убежавшие от хозяина во время течки.)

Эструс, т. е. течка, в норме бывает у сук два раза в год и длится от 2 до 3 недель. Перед течкой (иногда за месяц) собака может резко сбросить вес, становится необыкновенно игривой или просто перевозбужденной, плохо реагирует на команды хозяина. При этом она метит территорию: часто присаживается и делает понемножку, оставляя пахучие капельки. Первыми признаками течки служит увеличение петли, или вульвы, причем сука постоянно ее вылизывает. В начале течки у суки появляются ярко-красные кровянистые выделения из петли. Иногда собака следит за собой, чтобы не оставить лишних следов, и тщательно подлизывается. Это бывает в том случае, если она находится рядом с другой, доминирующей собакой или на территории, которую считает враждебной. Такое поведение более характерно для сук аборигенных пород. Кроме того, первая течка у них часто выглядит смазанной, почти бескровной. Лучший способ проверки – промокнуть вульву белой салфеткой или куском ваты. Большинство собак заводских пород не стесняются оставлять свои следы прямо в квартире; иногда хозяева одевают им на этот период штаны.

Поначалу сука заигрывает с другими собаками, но отвергает ухаживания кобелей. Постепенно выделения бледнеют, а количе-

ство их увеличивается. Наступает период, когда происходит овуляция и оплодотворение становится возможно. В это время из яичников выходит от 4 до 20 незрелых яйцеклеток, дозревающих еще в течение несколько дней или часов. (Но природа и об этом позаботилась: активная сперма сохраняет подвижность до двух суток после вязки, что повышает возможность оплодотворения.) Готовность к спариванию, так называемая половая охота, наступает обыкновенно на 11—13-й день течки. Однако у каждой собаки складывается свой цикл. В редких случаях суки могут течь как 3-4 раза в год, так и один. Хотя нормой это все же назвать нельзя. Первое более характерно для собак заводских пород, второе – для аборигенных. И вяжутся одни из них, когда положено, но есть такие, что спариваются с представителем противоположного пола уже на 3—4-й день, а некоторые ухитряются обзавестись щенками и после вязки на 18—19-й день течки.

О готовности суки к спариванию во время течки говорит поза *лордоза* (подставления): собака замирает, отводит хвост в сторону, если ее просто погладить, и по спине проходит волна мышечных сокращений.

Для получения плановых щенков сук обыкновенно вяжут два раза, осуществляя через день так называемую контрольную вязку. (Это обеспечивают большую вероятность оплодотворения яйцеклеток сперматозоидами, когда и те и другие проявляют максимум жизнеспособности.) В естественных условиях, даже если кобель и сука спаривались на протяжении 4-6 дней, все оплодотворенные яйцеклетки прикрепляются к стенкам матки одновременно, поэтому роды не растягиваются до нескольких суток, обычно они заканчиваются через 3—6 часов.

Глядя на все увеличивающееся число бродячих собак, неопытный владелец полагает, что повязать собак – это пустяковое дело! Как бы не так! Оказывается, это целое искусство. «Невест» привозят в дом «женихов» и почти никогда наоборот. Некоторые племенные псы и так норовят отправиться на поиски таинственной и прекрасной незнакомки; если такое настроение поддержать, то они станут делать это на каждой прогулке. К тому же не надо забывать о межполовой агрессии: со своей территории суки склонны прогонять даже кавалеров. На всякий случай во время вязки обеим собакам средних и крупных агрессивных пород рекомендуют надевать намордники и вообще приглашать опытного инструктора,

который поможет неразумным, но породистым собакам сладить свои дела.

Разумеется, существует природный ритуал ухаживания, но, к сожалению, его соблюдение не всегда удобно для владельцев. Поэтому на ограниченной территории, например в квартире, принята ручная вязка. Собак в намордниках подводят друг к другу и едва дают обнюхаться, после чего всячески помогают – придерживают и поддерживают. Хотя часть старых собаководов, владельцев охотничьих или служебных собак полагают, что плох тот кобель, который не сумеет все сделать сам...

Тем не менее с собаками, которые вяжутся впервые, возникает масса проблем. Суки садятся, ложатся, вырываются и огрызаются. Кобели так спешат, что в буквальном смысле слова не знают, что делать, с какой стороны пристроиться. Большего успеха добиваются «обходительные кавалеры», которые сначала полижут петлю у суки и, как говорят опытные заводчики, «пошепчут» ей что-то на ушко, т. е. исполнят хотя бы часть положенного ритуала. Для естественной вязки годится приусадебный участок или нейтральная для обеих собак территория с минимальным количеством посторонних раздражителей. Однако ручная вязка все же надежнее.

Кобель делает несколько садок, прежде чем ему удается повязать суку. Имевшая опыт сука стоит спокойно и поднимает петлю навстречу половому члену кобеля. Крепко обхватив туловище суки передними лапами, пес совершает активные и сильные толкающие движения. При попадании полового члена кобеля во влагалище суки луковицеобразное расширение у его основания наполняется кровью, половой член напрягается, а луковица разбухает. Кольцевой мускул-сжиматель влагалища крепко удерживает половой член кобеля внутри влагалища суки. С этого момента обе собаки находятся в состоянии замка – они крепко связаны и не могут разойтись, – и это длится в среднем 20 минут. Хотя случаются продуктивные вязки и без замка.

После окончания семяизвержения кобель изменяет положение: по очереди переносит одну из передних лап, потом и соответствующую заднюю через корпус суки. Теперь он стоит на всех четырех лапах и разворачивается, как правило, головой в противоположную от суки сторону.

Если вязка происходит в присутствии владельцев, то они ждут, пока собаки смогут разойтись, присев рядом и придерживая сво-

их питомцев за ошейники. Им остается компенсировать укорочение природного ритуала ухаживания спокойным и ласковым обращением со своими любимцами.

И у сук, и у кобелей иногда складываются свои, совершенно неожиданные предпочтения. Например, для моего первого пса, эрдельтерьера, первой сукой, случайно встреченной в состоянии течки, оказалась рыжая колли. Это столь сильно врезалось ему в память, что всю оставшуюся жизнь он, конечно, бегал за любыми суками в таком состоянии, но предпочтение все же отдавал рыжим колли! Одна из ризенушек, своевременно повязанная представителем своей породы, в течку делала стойки и призывно скулила, увидев именно соплеменников. У одной моей знакомой овчарка пожелала повязаться с другом детства, маленьким беспородным песиком, и перехитрила-таки свою хозяйку! (Та полагала, что разница в размерах не даст собачьим Ромео и Джульетте соединиться.) Сука приняла позу подставления почти из положения лежа! Так что я бы не рекомендовала спускать сук с поводка, пока течка не закончится, если, конечно, вам не нужен целый «подол» метисиков.

Поведение сук до и после родов

Устройство гнезда, а также поведение суки при родах – освобождение плода от плодных оболочек, перегрызание пуповины, поедание последа, облизывание щенка – происходит инстинктивно, согласно генетически заложенной программе. Однако опытные, уже рожавшие суки делают это лучше, чем молодые. Наследственная программа обрастает условными рефлексами. Молодые, неопытные суки могут нечаянно передавить, а то и съесть щенков. В природе уничтожение слабых или больных детенышей является нормой.

Импринтинг сукой собственных щенков происходит в момент облизывания щенка и тогда, когда щенок, самостоятельно добравшись до соска, начинает сосать, массируя сосок передними лапками. Если излишне заботливый владелец, принимая роды у своей питомицы, сам вскроет околоплодный пузырь, перережет пуповину, вытрет щенков и на какое-то время поместит их на грелку в ожидании появления на свет следующих, то сука впоследствии с трудом примет этих щенков, не признав их за своих.

«Запасные» мамы

С точки зрения ветеринаров, ложная беременность – это, разумеется, болезнь, связанная с гормональными нарушениями, которую необходимо лечить. Проявляется она в том, что самки домаш-

них любимцев через два месяца после каждой течки, не будучи оплодотворенными, как бы «рожают», а потом начинают лактировать[1] и кормить несуществующих детенышей. Неотсосанное молоко перегорает, что ведет к маститам и даже опухолям. У животных может повышаться температура и резко меняется поведение: они строят гнездо, роя нору в углу комнаты или разрывая обивку диванов и подушек, играют в игрушки щенков, таская в зубах мелкие мягкие предметы, а то и начинают защищать этих воображаемых детенышей от собственных хозяев. Несмотря на лечение, подобное состояние повторяется вновь и вновь. Почему?

Да потому, что это природный механизм, способствующий выживанию не только своего, но и чужого потомства! Альтруизм – забота о слабых и немощных – придуман не человеком. Он существует в природе в форме отбора родичей у животных, ведущих социальный образ жизни: настоящие матери, почему-либо потерявшие детенышей, способны усыновлять сирот или помогать другим, многодетным матерям. Чаще это происходит по отношению к членам своей стаи, изредка объектом заботы становятся совершенно посторонние малыши.

Обратная сторона отбора родичей, наоборот, уничтожение чужих детенышей – одна из форм инфантицида. На это способны и самцы, и самки. Какая тенденция возобладает, зависит от многих факторов: у самок – от избытка или недостатка молока и личных особенностей характера, у самцов – от силы проявления территориального инстинкта и агрессивности.

Но вернемся к ложной беременности. Природе показалось мало, что кормящая мать способна выходить не только своих, но и чужих детей. При необходимости выкормить помет может вообще нерожавшая сука! И ложная беременность обеспечивает постоянное наличие таких «запасных» мам. В выхаживании и воспитании выводка им деятельно помогают подросшие, но еще не рожавшие дочери. Они учатся материнству, так сказать, на практике.

Для появления ложной беременности нужны определенные предпосылки: во-первых, наследственные (есть высоко-, а есть и низкомолочные линии собак – совсем как у коров!), во-вторых, зависящие от влияния внешней среды (наличие достаточного ко-

---

[1] Лактация – выделение молока; период лактации – время молочного вскармливания.

личества корма и отсутствие перенаселения, ведущего к стрессам и пропаданию молока даже у нормальных сук), в-третьих, поведенческие (наличие чужих щенков провоцирует усиление лактации) и, в-четвертых, обусловленные индивидуальными особенностями (среди собак сколько угодно как хороших, так и плохих мам!). В целом чужие детеныши способны рассосать суку до настоящей полноценной лактации.

Глава 14 РАЗВИТИЕ ЩЕНКОВ: ДО РОЖДЕНИЯ И ПОСЛЕ

Какова цена выкармливания детенышей из бутылочки?

Мы уже вспоминали чудесную сказку Р. Киплинга «Маугли», повествующую о том, как человеческий детеныш, выращенный волками, смелый, ловкий, умный друг и повелитель зверей, возвращается к людям, когда приходит пора возмужания...

Действительность, увы, бывает куда прозаичнее! Некоторые ученые изучали детей, выращенных различными животными (хотя до сих пор ведутся споры, а не фантазия ли это!). Фантазия или нет, но проблемой подобных детей занимались профессор А. Джезел из Йельского университета и индийский психолог Р. Синг. Чаще всего выкормить человеческого детеныша удавалось волкам, что и неудивительно, если исходить из того, насколько волки социальны, и из способа кормления детенышей: сначала молоком, потом полупереваренной отрыгнутой пищей. Однако все дети, найденные в логовах зверей в возрасте от 2 до 10 лет, не умели ходить на двух ногах, смеяться или плакать, а не то что говорить. Самыми известными из них в XX в. были сестрички Амала и Камала из Индии. Младшей было около 2 лет, старшей – около 7. Их, прослышав о странных зверях-оборотнях в окрестностях деревни Годамури, выследил и отловил доктор Р. Синг. Было это в 1920 г. Амала умерла, прожив не более года, а Камала провела под наблюдением врачей около 10 лет.

Предположительно Камала прожила с волками не менее 5 лет. Она ходила только на четвереньках, опираясь на ладони и колени или ступни. Причем бегала в таком положении не хуже человека на двух ногах. Боялась яркого света, днем спала, а ночью гуляла по саду. Она не терпела одежды – разрывала ее на куски. Боялась воды и купания, воду лакала, как собака. Первое время ела сырое мясо, раздирая его зубами, без помощи рук. Выла, когда ей было одиноко. Боялась людей, к щенкам проявляла больший интерес, чем к детям. «Очеловечивалась» девочка крайне медленно: лишь на третий год научилась держаться на двух ногах, а через 7 лет – ходить вертикально, но падала на четвереньки, если надо было бежать быстро. Еще более трудно давалась ей человеческая речь. Спустя 4 года Камала как будто понимала вопросы, с которыми к ней обращались, но сама выучила лишь шесть слов. Через 7 лет ее словарный запас составлял 45 слов.

В жизни девочки доктор Синг различал три периода. Первые два года она вела себя как волк. Следующие четыре года она накапливала человеческие навыки, сохраняя при этом и волчьи привычки. И только в последние три года своей жизни начала приобретать человеческие черты: искала общества людей, брала еду руками, пила из стакана. Девушка умерла, развенчав еще одну легенду, что дети, выкормленные зверями, оказываются более сильными и здоровыми.

Подобные эксперименты по изоляции человеческого детеныша человечество периодически ставило на самом себе: в приюты самых разных, вполне цивилизованных стран попадали дети, которых родители-варвары держали запертыми в каком-либо помещении или прикованными к одному месту, лишая развивающего тепла человеческого общения. Восстановление до нормального состояния шло тяжело и впрямую зависело от времени, проведенного в нечеловеческих условиях.

То, что воспринимается однозначно жестоким по отношению к людям, почему-то вызывает сюсюканье по отношению к животным. Человек, укравший из логова какого-либо звереныша, с гордостью рассказывает всем, как он выкормил его из бутылочки с соской и как теперь этот звереныш его любит... Конечно, в жизни бывают разные ситуации: животные могут стать сиротами и без помощи человека не выживут. Очень много книг посвящено попыткам вернуть таких искусственничков в живую природу, в общество соплеменников. Просто выпустить на волю равносильно убийству. Приручeнное животное не умеет добывать пищу, спасаться от врагов, находить укрытие от непогоды и абсолютно неспособно установить контакт с другими представителями своего вида, на территорию которого его выпустили, определив ему роль чужака, подлежащего немедленному изгнанию...

Для того чтобы вернуть животное в природу, приходится затрачивать много усилий. И вот ученые-биологи, работающие над программой восстановления численности редких видов, вырастив этот редкий вид в неволе, трудятся в поте лица, обучая дикое по природе животное охотиться на добычу, устраивать логово, бояться естественных врагов, и постепенно вводят его в члены стаи, предварительно став ими сами! Но вернемся к щенкам.

Все вышесказанное иллюстрирует тот факт, что поведение зависит от созревания и совершенствования нервной системы. Нам кажется, что маленький щенок – ах, пусечка, ах, лапушка! – еще

ничего не понимает, вот вырастет, тогда мы и займемся его обучением или он сам все поймет... Но оказывается, что мозг наиболее активно растет и формируется до шести-семинедельного возраста, а потом показатели этого роста резко замедляются. Количество нервных клеток перестает возрастать к четырехнедельному возрасту.

Развитие поведения до рождения и после

Развитие нервной системы у щенков происходит постепенно и зависит от наследственности и условий окружающей среды. Изучением периодов развития занимались многие иностранные авторы, в том числе К. Пфафенберг.

Различают несколько основных периодов.

Пренатальный, или *предродовой*. Со второго месяца беременности суки, как правило, начинают инстинктивно беречь себя, делаясь более спокойными. Явление, при котором беременные животные находятся в щадящих условиях, называется гентлингом, петтингом или эффектом ласки; потомство в результате появляется более здоровым и управляемым. Все это хорошо известно по человеческой беременности. Восприимчивость к тактильным ощущениям развивается у щенков непосредственно перед рождением: чем больше гладят суку, тем более ласковыми оказываются щенки. У животных, лишенных положительного контакта с человеком, рождаются щенки с поведенческими недостатками.

Неонатальный – от рождения до 2 недель. Характеризуется физическим ростом и совершенствованием безусловных рефлексов, с которыми щенок родился. Например, любой щенок умеет сосать благодаря наследственной программе, но вот как сосать, чтобы доставалось больше молока, – этому надо учиться.

Кстати, знаете ли вы, почему большинство собак положительно реагируют на чмокающий звук, которым их часто подзывают? Да потому, что он напоминает им период младенчества, когда щенки просыпались, как по команде, и принимались искать каждый свой сосок, к которому привык. (Перебирать соски щенки начинают в более позднем возрасте или в том случае, если у суки мало молока.) Ну а если реакция на чмоканье остается на всю жизнь, то сколько же поведенческих программ закладывается с самого раннего возраста, о чем мы даже не подозреваем!

Переходный – 2-3 недели. Быстро развиваются уже имеющиеся поведенческие акты и появляются новые. В этом возрасте проис-

ходит импринтинг матери, а потом и однопометников, как представителей своего вида. Если щенок развивается в любви и ласке, без стрессов, то его дальнейшее обучение проходит легче. Отрицательное воздействие оказывают как лишение контакта с человеком, так и ранний отъем от матери.

Социализация – 3-10 недель. Формируются взаимоотношения между матерью и потомством и внутри однопометников. Во время игры с братьями и сестрами выявляются будущие доминанты и низкоранговые. Если в этом возрасте щенок не общается с человеком или общается с ним недостаточно, возникают проблемы, которые останутся на всю жизнь. Во время игры происходит обучение контролировать укусы. Игровая борьба начинается с 3 недель и переходит в форму иерархических отношений, попыткам установить свой ранг. По некоторым данным, у семинедельных щенков отмечено образование групп («банд»), нападающих на более слабого щенка, вплоть до его загрызания (маламуты, хаски, шнауцеры, фокстерьеры). К 11-15 неделям поединки ритуализируются и становятся игрой, и только игрой. При неправильном воспитании человек может упустить момент и получить доминанта, который ранжируется с ним, вначале нанося как будто игровые укусы, а потом настоящие.

Этот период требует также обязательного знакомства с другими домашними животными и условиями среды, в которой щенок будет жить в дальнейшем.

От 3 до 8 недель щенки начинают активно лаять, а то и выть – социализация сопровождается вокализацией.

Из пяти пометов ризеншнауцеров, выращенных в моем собственном доме, два внезапно начинали выть в возрасте трех недель. Начинал один щенок, его тут же тоненькими голосами поддерживали другие. Вой длился недолго, сука никак не реагировала на него, и он быстро прекращался. Если «вокальные выступления» получают одобрение, то можно получить весьма брехливую собаку.

Кстати, если выбрать щенка, который рвется общаться с человеком, отталкивая других щенков, то можно получить не самого общительного, а самого драчливого щенка.

Ювенильный – свыше 10 недель. У щенков образуются условные рефлексы на основе индивидуального опыта, ярко проявляются ориентировочная и оборонительная реакции. У собак, как у

всех хищников, происходит закладка охотничьих навыков. Появляется желание все изучить, все обследовать. Дальнейшее ознакомление со средой обитания сопровождается проявлением способности защищать свою территорию и утверждать свой ранг, общение с людьми обеспечивает податливость к дрессировке.

Период полового созревания – от 1 года до 2 лет. Собаки в этом возрасте, как и люди, отличаются резкими перепадами «настроения»: доминанты ведут себя агрессивно, а периоды ярко выраженного исследовательского поведения сменяются внезапным страхом перед незнакомыми предметами и явлениями.

При исследованиях у российских ученых получились примерно такие же результаты, как и у их западных коллег. Остановимся на них несколько более подробно. *1-й период (1-2 недели)*. Щенок совершенно беспомощный, целиком зависит от матери. Для него отсутствует смена дня и ночи. Большую часть времени щенок спит, просыпаясь примерно каждые 3-4 часа для сосания, причем навыки сосания с каждым днем совершенствуются. Мать массирует языком животик щенка, чтобы вызвать дефекацию и уринацию. Выпав из гнезда, щенок ползает кругами, стараясь найти теплый бок матери, значит, имеется реакция на запах и тепло. *2-й период (2-3 недели)*. У щенка открываются глаза и ушные проходы, он начинает слышать и видеть, приподнимается на ножках и совершает переход от ползания к хождению и даже бегу. Появляется ориентировочная реакция на звук и свет, а также первые, очень нестойкие оборонительные рефлексы – ведь в этом возрасте щенок уже начинает выползать из гнезда и может встретиться с чем-то опасным. Начинают вырабатываться условные рефлексы на пищевое подкрепление. Например, если щенков прикармливать и звать, скажем, «кути-кути», они начинают выходить на этот зов. Как уже говорилось, происходит импринтинг – щенок запечатлевает в памяти окружающих его собак и людей. *3-й период (1-3 месяца)*. Совершенствуется социальное поведение. Щенки начинают играть со сверстниками. После 2 месяцев суки перестают лактировать. Многие из них начинают отрыгивать щенкам проглоченную пищу, слегка обработанную желудочными ферментами, как это делают дикие псовые. Иногда суки не просто уступают щенкам еду, но и приносят отдельные куски (особенно это касается мяса). В этом возрасте обычно происходит отъем щенков от матери и передача их другим владельцам. Новый владелец щенка заменяет своему питомцу и мать, и однопометников. На прогул-

ках у щенков ярко проявляется ориентировочная реакция – они обращают внимание на множество раздражителей. Развивается оборонительная реакция – сначала в пассивной форме, потом в активной. При испуге щенок стремится спрятаться за хозяина или убежать домой, в гнездо. В этом возрасте щенка ни в коем случае нельзя пугать, обращаться с ним грубо. Его надо знакомить с новыми раздражителями, убеждая в их безопасности. Недостаток новой информации (например, в связи с прививками щенки сидят дома) тормозит их дальнейшее развитие. В результате ориентировочная реакция принимает форму страха перед новыми людьми и предметами, и щенячья трусость может остаться на всю жизнь. Изоляция в этом возрасте просто губительна: щенки должны играть с другими щенками. К тому же им необходимо больше двигаться, чтобы развиваться физически. У правильно выращенного щенка можно начать вырабатывать условные рефлексы не только на пищевое, но и на оборонительное подкрепление.
4-й период (3-7 месяцев). Бурно формируются типологические особенности нервной системы, т. е. проявляются индивидуальные черты. Выявляются щенки подчиненные и доминанты, а также проявляется степень их возможной агрессивности, в том числе к человеку. Если это необходимо для дальнейшей дрессировки, то недоверчивость к посторонним людям следует закреплять и всячески препятствовать ранжированию щенка со своим хозяином. Если его игры становятся чересчур грубыми и, войдя в раж, щенок кусает своего хозяина, то следует поступить с ним так же, как вожаки собачьих и волчьих стай – немедленно схватить за шкирку и потрясти.

К полугоду мозг по отношению к телу достигает тех же размеров, что и у взрослой собаки.

До этого времени очень трудно вырабатывать условные рефлексы на запрещения, так как у щенков плохо работают процессы торможения. После 6 месяцев можно начать вырабатывать почти все те навыки, которые потребуются от взрослой собаки. Однако это зависит от породы. Есть породы быстро созревающие, а есть медленно. Например, восьмимесячный ризеншнауцер или доберман равен по возможностям годовалой, а то и полуторагодовалой среднеазиатской овчарке. Молодой собаке до года по-прежнему необходимо много двигаться и играть; и дрессировать ее необходимо, сочетая работу с игрой.

Рассмотрим более детально несколько этологических понятий.

Хэндлинг[1] – взятие на руки новорожденных щенков (как и детенышей мышей, крыс, кошек) — способствует их дальнейшей устойчивости к стрессам, да и вообще жизнестойкости. Механизм этого явления не совсем ясен: то ли мать более интенсивно вылизывает таких щенков, а дополнительный массаж способствует их развитию, то ли сама по себе новая тактильная информация благоприятно сказывается на росте. Поэтому даже в питомниках, где разводят заводские породы собак (не говоря уже об аборигенных!), можно получить щенков с неустойчивой психикой – диких и пугливых. А все потому, что им не уделяли должного внимания сразу после рождения. Очень часто самыми ласковыми и послушными становятся щенки, которые чем-то переболели в детстве (например, «пробило» прививку): даже неприятные процедуры вроде уколов воспринимаются как знак внимания и принимаются с благодарностью.

Импринтинг – запечатление – был открыт на птицах в первой трети XX в. Кратчайшие периоды, когда малыши как бы сверяют наследственную программу с окружающей их действительностью. И доверяют последней в большей степени: кого видят рядом с собой, того и считают себе подобным, а в будущем – половым партнером. Довольно долго исследователи полагали, что импринтинг присущ в первую очередь птенцам выводкового типа у птиц и тем млекопитающим, у которых малыши появляются на свет относительно самостоятельными – с открытыми глазами, покрытые шерстью, способные с первых часов своей жизни вставать на лапки и даже принимать твердую пищу (скажем, детеныши морских свинок или ягнята). В дальнейшем стало ясно, что импринтинговые реакции присутствуют в развитии всех млекопитающих, в том числе и собак. Однако есть разница: если у птиц и зрелорожденных млекопитающих периоды запечатления очень короткие и следствия импринтинга почти необратимы, то родившиеся беспомощными звереныши запечатлевают объекты и явления за более длительный срок, и если надо, то переучиваются. Иначе говоря, щенок любой маленькой породы, выращенный, скажем, кошкой, будет считать кошку своим видом, но, попав в общество собак, со временем поймет свою ошибку. Отсюда следует простой вывод: не стоит брать щенят из-под матери раньше 1,5-2 месяцев. Щенки-

[1] Не путать с кинологическим понятием – искусством вождения шоу-собак на ринге профессиональными хэндлерами.

сироты, выкормленные из бутылочки, конечно, привязываются к своим владельцам, зато впоследствии у них возникают проблемы при общении с другими собаками: они ведут себя либо излишне нервозно, либо агрессивно. Так что искусственничкам необходимо давать общаться и играть с себе подобными гораздо в большей степени, чем нормальным щенкам, не лишенным матери и однопометников.

Еще одним важным фактором является *обогащенная среда*. Дополнительная информация способствует лучшему и более быстрому формированию некоторых структур головного мозга: животные, выросшие в обедненной, однородной среде, оказываются менее сообразительными, чем животные из среды, наполненной различными раздражителями. С точки зрения физиологии ограничение в чем-либо, в данном случае в информации, приводит к развитию трусости. Щенки, которых с раннего возраста держат только в вольерах, уступают щенкам, которых выпускают погулять, знакомят с новыми предметами, новой обстановкой и новыми людьми.

Главнейшим механизмом развития для социальных животных, каким является собака, служит *социализация*. С одной стороны, социальный инстинкт, а также иерархические отношения, т. е. возможность либо подчиняться, либо доминировать, присущи собакам от рождения. Ведь собака – существо стайное, потому-то человек и приручил ее раньше всех других домашних животных. С другой стороны, основы социальных отношений закладываются у щенков в возрасте 3-4 месяцев, сразу после окончания подсосного периода. И если в этом возрасте они не заключают своего личного союза с человеком, то опять же рискуют вырасти дикими и неуправляемыми.

По данным иностранных исследователей, щенки, растущие в изоляции до 16 недель, практически не могут наладить нормальных отношений с другими собаками, да и сверстники их отвергают. Правда, если изоляция была неполной и щенки играли с экспериментаторами, то в конце концов они вписываются в собачье общество. К тому же разные породы обладают разной генетической предрасположенностью к социализации. Так, у более инфантильных биглей, чьи щенки вырастали в изоляции, нарушения в развитии в дальнейшем ничем не компенсировались, а у жесткошерстных фокстерьеров они преодолевались последующим обучением.

Самая обычная ситуация: щенки, рано попавшие в человеческую семью, где имеются дети и другие животные, например кошки, оказываются более привязанными к человеку, чем к собакам, что в будущем вызывает проблемы в социальном и сексуальном отношениях. И наоборот, вольерные щенки питомников или щенки беспризорных собак, взятые в дом с некоторым опозданием, оказываются в большей степени ориентированными на собак и в будущем проявляют склонность убегать от владельцев, бояться незнакомых людей или быть со всеми излишне ласковыми, не отличая чужих от своих, а иногда проявлять агрессию. Наиболее благополучными вырастают щенки, попавшие в смешанные семьи, где есть дети, кошки и другие собаки, – они инстинктивно отдают предпочтения собакам, но не настолько, чтобы потерять интерес к человеку; у собак они учатся нормальному поведению.

Чтобы щенок, не потеряв интереса и привязанности к человеку, научился нормально общаться со сверстниками, надо давать ему с ними играть.

Глава 15 ИГРОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ И МАНИПУЛЯТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В спорах, что такое игра, сломали копья представители не одного поколения исследователей. Более всего их удивляло, что игра как будто не имеет определенных целей, возникает спонтанно и не только приносит удовлетворение играющим, но зачастую добавляет энергии. На рубеже XIX–XX вв., когда живой организм приравнивали к особого вида техническому устройству, англо-американский ученый У. Мак-Дугалл сравнил игру с перекачкой энергии из некоего общего бассейна во все остальные сферы деятельности. Стало ясно, что игра – это очень серьезно.

Более поздние исследователи доказали, что игры животных относятся к одному из инстинктов саморазвития. Низкоорганизованные животные к играм не способны. Правда, до сих пор не ясно, с какого возраста животные проявляют способность к игре. Играют ли рыбы, амфибии или рептилии? Зато ясно, что птицы и звери играть умеют.

К. Лоренц ничуть не сомневался, что ручной скворец, который «склевывал» с потолка комнаты несуществующих мух, или стая галок, дававшая ветру унести себя, а потом без труда возвращавшаяся обратно, проявляли именно игровое поведение.

Особенность игры высших животных состоит в том, что она возникает тогда, когда отсутствует необходимость в других формах поведения, например поисках пищи или защите от врагов. В общем, чтобы играть, животному, как и человеку, требуется досуг. Детеныши и молодняк играют чаще взрослых, обычно друг с другом, но иногда и со своими родителями, а у социальных животных нередкими являются игры взрослых, умудренных опытом особей, которые вдруг начинают бегать и резвиться, как малыши.

Игры бывают социальными (взаимодействие друг с другом) или с предметами (для того, чтобы отнимать друг у друга палочку, желательно наличие партнера). В одиночку приходится играть по большей части с предметами, которые быстро надоедают, поэтому щенки, оставшиеся одни и лишенные эмоционального контакта, ухитряются буквально разнести квартиру и перепортить уйму вещей – от многочисленной обуви до ножек мебели и стен.

Из чего состоит социальная игра? Обычно она включает в себя

перестроенные стереотипные движения, характерные для других форм поведения. Такая перестройка включает изменение последовательности движений, преувеличение отдельных из них, многократное повторение отдельных движений.

Кобели еще в щенячьем возрасте в играх с другими щенками демонстрируют половое поведение. Запрещать подобную активность нельзя, лучше переключить щенка на что-нибудь другое, не менее интересное для него.

Очень часто садки на однополого партнера у молодых кобелей и взрослых сук являются признаком доминирования.

В игре перемешиваются практически все формы социального поведения: охотничьего, полового, территориального и иерархического, а также манипуляторской деятельности.

Манипуляторская деятельность носит двоякий характер: с одной стороны, в ее основе лежит обучение охотничьим навыкам, сначала на неживых объектах, с другой – она является переходом от игры к исследовательскому поведению. Так что если щенок «убил» какую-нибудь ценную вещь, то он на нее охотился и одновременно познавал свойства окружающего его мира. Отличить манипуляторскую деятельность от игры с предметами бывает очень трудно. Игры с предметами все же происходят в присутствии партнера, кроме того, манипуляторская деятельность не связана с недостатком эмоционального контакта.

Значение игры огромно: это и обучение многим навыкам (охоте, социальным взаимоотношениям, защите территории), увеличение потока информации о внешней среде (чем больше информации, тем лучше развивается мозг), удовлетворение потребности в социальном контакте. Последняя функция игры, вероятно, самая главная. Поэтому-то социальные животные играют не только друг с другом, но и с другими видами и даже человеком, считая их членами своей стаи.

Если в одном доме живут щенки, а также другие домашние любимцы (например, кошки) и имеются дети, то они иногда затевают такие бурные игры, что у взрослых волосы поначалу встают дыбом, а потом и они тоже включаются в общее действие. Человек играет по тем же причинам, что и животные, реализуя тот же игровой инстинкт: обучается в игре новым навыкам, развивает логическое и ассоциативное мышление, отрабатывает различные социальные роли и получает столь необходимую всем эмоциональную разгрузку!

На крысах доказано, что игру с ненастоящей дракой затевают низкоранговые зверьки, которые никогда не побеждают. А высокоранговые настолько входят в раж, что могут начать по-настоящему гонять низкоранговых. У собак приглашают к игре как высоко-, так и низкоранговые члены стаи. Только позы при этом будут разные. Щенок подойдет к взрослому псу на полусогнутых лапах, отчаянно виляя поджатым хвостиком, оближет уголки губ, иногда напустит лужицу или опрокинется на спину, приняв позу полного подчинения, а уж потом бросится бежать, приглашая взрослого пса последовать за ним. Взрослый пес начнет заигрывать с малышом с небрежным видом, глядя на того сверху вниз и лениво помахивая хвостом.

Собаки, играя с кошками, обучаются справляться с ними теми же охотничьими приемами, что и с крысами: уминают передними лапами, старательно отворачиваясь и убирая подальше морды с чувствительными носами и незащищенными глазами. Но, выбрав момент, хватают кошку за спину, не дав ей опрокинуться и выставить вперед лапы.

Некоторые домашние любимцы, обладающие легковозбудимым нравом и претендующие на высокоранговость, во время игры с хозяином настолько входят в раж, что могут причинить ему вред – по-настоящему укусить. Такие грубые игры следует немедленно прекращать, чтобы не получить в будущем домашнего тирана, не считающего человека вожаком.

Глава 16 ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Думаете, основной инстинкт – это инстинкт, связанный с продолжением рода? Не угадали! Продолжение рода, конечно, важнейшая задача для представителей любого вида. Но что толку бросать в этот мир, как в воду, детенышей, если в нем, этом мире, все время происходят какие-то изменения? Причем такие, что, если не сумеешь приспособиться – не выживешь!

Так что речь пойдет об исследовательском поведении, которое и помогает собакам приспособиться к жизни. Как и многое другое, оно сначала изучалось в лабораториях на крысах. Излюбленным тестом, придуманным учеными для этих зверьков, был конечно же лабиринт. И довольно быстро выяснилось, что лакомство, положенное в его конце, не ускоряет их передвижение по лабиринту. Крыса с удовольствием исследует всякий устроенный для нее лабиринт исключительно из любопытства, без всяких дополнительных ухищрений, потому что это наследственная программа поведения. Любопытство служит крысе и мотивацией, и причиной, толкнувшими ее на изучение лабиринта, и положительным подкреплением своих действий. А попутно произойдет латентное, т. е. скрытое, обучение – зверек запомнит все закоулки нового пространства, все его повороты, тупики и ответвления.

Некоторые ученые видят в исследовательском инстинкте вообще основу всего поведения: ведь нельзя выжить, не познав особенностей окружающего нас мира. К тому же это единственный инстинкт, который имеет внутреннее подкрепление. Дело в том, что в ходе поисков мозг выделяет особые вещества — опиаты, от которых возникает ощущение комфортности, толкающее на продолжение деятельности. Сравните с пищевым инстинктом: он заставляет искать подходящую еду, но чувство удовлетворения наступает лишь после насыщения, когда еда бывает найдена и съедена.

Исследовательским поведением обладают все животные. Ученый В.Х. Торп доказал, что моллюски – морские блюдца – изучают участки дна, прежде чем на них поселиться. Разведывательные вылазки совершают общественные насекомые (пчелы), рыбы и тритоны: они запоминают приметы местности, чтобы суметь вернуться домой. Что же говорить о таких высокоорганизованных животных, как собаки?! Каждый из нас видел, как на прогулке щенок сначала

восторженно обнюхивает новую территорию, потом, переполнившись положительными эмоциями, начинает играть. (Речь идет о собаках, правильно выращенных, с устойчивой психикой.)

С течением времени, необходимым для изучения, исследовательское поведение (или более узко – ориентировочная реакция) угасает. Когда крысам надоедал лабиринт, нужно было приделать к нему новый отсек, и они снова посещали его с большой охотой, показывая все признаки ориентировочной реакции: нюхали пол и стенки, метили капельками мочи, вставали в вертикальные стойки и даже умывались (переадресовочная реакция, призванная снизить возбуждение и помочь успокоиться). Но наибольший интерес вызывал у крыс пустой ящик, стенки которого каждый день покрывались новыми картинками! Зверьки посещали его с таким же рвением, с каким любители искусств стремятся попасть на новый спектакль или в картинную галерею.

Изучать такой расплывчатый термин, как «любопытство», можно вполне научными методами, определившись в терминах и добавив к понятию *степени новизны* несколько отдельных критериев. Выяснилось, что она обратно пропорциональна *частоте появления* похожих раздражителей. Сходства раздражителей напоминают павловскую реакцию: слюноотделение у собак начинается на похожие звонки. Но если звонок резко отличается по частоте звука от обычного, никакого слюноотделения не происходит – собака настораживается. Степень новизны также обратно пропорциональна *«давности»*, т. е. времени, прошедшему между первым и последним появлением похожего раздражителя, и *сходству раздражителя*. Наибольшей привлекательностью обладают раздражители, которые напоминают еду или что-нибудь такое же знакомое и приятное. Но никаким сходством с пищей не объяснишь интерес крыс к разным картинкам на стенках ящика!

Степень новизны зависит также от неожиданности раздражителя. А эта неожиданность определяется тем, что животные (или человек) *ожидают увидеть*. Их в равной степени изумит и привлечет появление особи своего вида с двумя головами. Собаки станут глазеть на Цербера с таким же любопытством, смешанным со страхом, как мы – на двухголового пришельца-инопланетянина.

Неофилия, т. е. любовь ко всему новому, соседствует с неофобией, т. е. боязнью новизны. Первая позволяет животным и людям познавать мир, вторая уберегает от рискованных экспериментов. Разумеется, неофилия более присуща молодняку.

Как животные реагируют на новые предметы, хорошо знают охотники и вообще любители природы. Не стоит выбрасывать в лесу мусор, но лисы, например, обязательно обнюхают коробку из-под сигарет и даже поставят на нее свою метку. Вообще животные интересуются нашими следами так же, как и мы их, и стараются переметить весь наш путь.

У собак исследовательское поведение проявляется еще в трехнедельном возрасте, когда щенки начинают изучать внутреннее устройство своего гнезда, потом – его окрестности. Часто вырастают трусливыми те собаки, которых долго не выносили на улицу: сначала купировали уши, потом делали прививки... А вообще исследовательское поведение подвержено колебаниям из-за неравномерности созревания тех или иных структур мозга. Наиболее резкие колебания случаются во время полового созревания: еще вчера молодая собака проявляла ярко выраженную неофилию, а сегодня просит хозяина о защите, приняв столбик или кустик невесть за какое страшилище! Таких собак следует немедленно успокоить, собственным примером показывая им, что объект не опасен, но ни в коем случае не подтаскивая к нему силой.

Исследовательское поведение следует использовать в дрессировке. Чем собака умнее, тем скорее ей надоедает бесконечный повтор одного и того же приема. И тогда, чтобы разнообразить обучение, приходится изобретать все новые и новые приемы.

Ныне живущая у меня среднеазиатская овчарка обучилась апортировке, идя не от простого к сложному, а с точностью до наоборот! Она довольно быстро стала приносить мне палочки и тряпичную «колбаску», но столь же быстро потеряла к ним интерес, получая за свою работу всего лишь сыр. И точно так же, уже научившись команде «место», перестала ходить на место при соответствующей команде. Обе совершенно разных ситуации удалось разрешить одним и тем же способом: тряпичная «колбаска» демонстративно засовывалась в сумку на глазах собаки, а сумка пряталась в кустах. Азиатка сначала находила сумку, а потом либо приносила ее, либо ложилась на нее по команде «место». (Кстати, во всех руководствах по дрессировке категорически запрещается обозначать место апортировочным предметом, а предмет, которым обозначается место, разрешать собаке брать в зубы и трепать. Надо сказать, что я люблю дрессировку собак как раз за то, что она актуализирует мое собственное исследовательское поведение.)

Заводские и аборигенные породы

В двух словах можно сказать, что разница между этими группами собак заключается в том, что первые специально выводились человеком для тех или иных нужд разными селекционными методами, а на вторых в большей степени действовал естественный, а не искусственный отбор. Аборигенные породы занимали определенный ареал распространения; человек делал выбор в пользу тех или иных производителей, ориентируясь в первую очередь на их рабочие, а не внешние качества.

Большинство заводских пород в истории своего развития прошли стадию аборигенных: именно из различных отродий (отдельных ветвей) достаточно разнородных популяций отбирались для дальнейшей селекции те или иные морфологические типы.

Аборигенные породные популяции сохраняют внутри себя большую изменчивость и находят весьма широкое применение.

Так, остроухие и остромордые собаки Севера распались на охотничьих, оленегонных (пастушьих) и ездовых. В ряде стран из них получены заводские породы. Охотничьи породы остаются пока универсальными, хотя и не исключено, что они станут в дальнейшем специализироваться по зверю или птице. Предположительно ранее среди лайкоидов были даже гончеобразные собаки! По данным знатока русской охоты Л. П. Сабанеева, во времена царя Алексея Михайловича ценились так называемые лошии собаки. В 1665 г. боярин Благово бил царю челом двумя охотниками и 10 лошьими собаками. В ответ получил царский подарок – 100 рублей денег. К началу XIX в. эта порода еще сохранилась: о ней упоминал писатель-охотник В. Левшин (конец XVIII – начало XIX в.). Он описывал, несомненно, не гончих, а остроухих и остромордых собак, но способных загнать лося и слегка отличающихся по конституции от типичных лаек.

Восточные аборигенные борзые распались на ряд пород, культивируемых в разных странах, хотя и сохранили нечто общее в своем облике, происходя от общих предков. Современные представители этих пород проявляют как охотничье, так и караульное и даже пастушье поведение! В литературе имеются сведения, что афганских борзых даже использовали для переноски легких

грузов! Их агрессивное любопытство, согласно мнению зарубежных ученых, обеспечивалось повышенной секрецией гипофиза. Поэтому исследовательское поведение проявлялось как молниеносный бросок к заинтересовавшему их предмету и мгновенное отступление.

Ясно, что в сообществе аборигенных собак четче прослеживаются территориально-ранговые отношения. Эти собаки больше ориентированы на общение с другими собаками, а не с человеком и несколько труднее дрессируются. Однако нельзя сказать, что они «глупее» заводских! Отнюдь! Просто многое из того, к чему традиционно приучают собак заводских пород, им не нужно. Принятие самостоятельного решения дается им легче и проще. Например, ездовая собака не пойдет по льду, чуя трещину, даже если человек станет заставлять ее это сделать. Среднеазиатская овчарка трудно идет на свободное задержание. А зачем? Ведь она прогнала врага со своей территории!

Заводские породы значительно инфантильнее, а потому человекозависимы. Они в большей степени ориентируются на поведение самого человека, его указания, а поэтому легче дрессируются. Но у них, по желанию человека, могут быть очень сильно изменены первоначальные поведенческие комплексы. Эти собаки менее территориальны – куда человек, туда и они, – и у них не столь жестко выражены ранговые отношения.

Миф о «тысячелетней» породе

Половина рекламных статей о собаках начинается так: «Этой породе тысяча лет, и она ничуть не изменилась со времен...» (дальше по выбору: древних викингов, монголо-татар, ацтеков или майя).

Некоторые группы пород имеют достаточно древнее происхождение. Таковы, например, борзые и шпицеобразные собаки. Но конкретная порода – временная категория, которая зависит от социально-культурных условий, господствующих в обществе. Она существует до тех пор, пока ее качества востребованы людьми. И даже при этом в ней происходят те или иные изменения.

Скажем, появление борзых на Руси связывают с монголо-татарским нашествием. Причем у самих монголов, скотоводов-кочевников, борзых не было. Марко Поло в своем путешествии в Монголию в XIII в. ничего не говорит о борзых, описывая охоту Кублай-хана. Борзые как военная добыча попали к монголам из Аравии, Персии и были разнесены ими дальше. В Европу первые восточные борзые, вполне вероятно, попали во время крестовых

походов (а может быть, и раньше) из Малой и Передней Азии, Северной Африки – от тех племен, которые приняли ислам. В исламе собака считалась нечистым животным, но для борзой делалось исключение – она была священна, олицетворяя мгновенную, как молния, а посему милосердную смерть. В Европе появилось несколько уже своих пород борзых – от легких английских грейхаундов и карликовых уипетов до тяжелых брудастых (т. е. украшенных усами, челкой и бородой) волкодавов.

Охота с борзыми процветала в Европе в эпоху Средневековья, поскольку для охоты с ними был нужен простор, свободные от хозяйственной деятельности земли. Собаки стоили дорого и являлись предметом гордости феодальных владык.

Псовая охота в Московском государстве начала развиваться при царе Иване Грозном. Сабанеев писал, что после взятия Казани правительство закрепило свою власть, переселив часть татарских князей в нынешние Ярославскую и Костромскую губернии и наделив их поместьями. Произошло слияние татарского и русского служивого сословия, частью породнившегося. И главное, что их объединяло, – это страсть к псовой охоте. С этого времени началось разведение новой, русской, породы борзых, возможно, со значительным прилитием крови северных остроухих и остромордых собак.

Кинологи В. Вронская и Е. Гафурова, знатоки породы бобтейл, просмотрели ряд старинных гравюр в различной литературе и отметили, что первоначально староанглийская овчарка напоминала примитивный вариант английских борзых, грейхаундов, так что с современными выставочными собаками их было просто невозможно сравнить. Однако пастушье поведение у бобтейла прослеживается до сих пор.

Но такое бывает не всегда. Все зависит от того, как используется порода.

Многие охотничьи породы стали сначала служебными, потом – собаками-компаньонами.

Смена собачьих «профессий» при изменении использования человеком

Рассмотрим подобные изменения на примере двух пород – эрдельтерьера и южнорусской овчарки.

Первая порода, выведенная в XIX в. на берегах реки Эйр, хотя и достаточно изменилась по экстерьеру, но все равно осталась той же самой породой по темпераменту и нашла себе применение.

«За несколько месяцев до моего отъезда ко мне обратилось довольно высокое должностное лицо с просьбой избавить его от

любимой собачки. Этот пес нападал на местных жителей, кусал их и, кроме того, резал скот в пригородах Найроби.

С первого взгляда собака мне понравилась. Это был ширококостый рыжий кобель величиной с немецкую овчарку. У него были мощные челюсти, и он, несомненно, умел ими пользоваться. Пес, по-видимому, был смешанной породы...

Несмотря на свою злобу, Бафф часами лежал у моих ног, глядя преданным задумчивым взглядом, как бы пытаясь прочесть мои мысли. Мы еще не выехали из Найроби, а я уже привязался к Баффу.

Когда мы подошли поближе, то увидели, что свора загнала пять самцов-буйволов. Образовав круг хвостами вперед и рогами наружу, они отбивались от собак. Вдруг Бафф рванулся к буйволам и схватил одного из быков за нос. Разъяренное животное бросилось вперед, стараясь ударить собаку о ствол дерева. Но Баффа не так-то легко было оглушить: в последний момент он ловко отбросил задние ноги и избежал удара. Выстрелив, я покончил с этим буйволом».

Это фрагменты из книги Дж. Хантера «Охотник» (автор в начале XX в. охотился на различных зверей Африки). В переводе книги на русский язык, сделанном в середине XX в., Бафф был назван айрдальтерьером, а в переводе 1992 г. — бультерьером. Отчасти оба переводчика были правы: существует версия, по которой одна из ветвей породы эрдельтерьера скрещивалась с бультерьерами. По крайней мере, в собачьих боях они использовались.

К середине XX в. эрдельтерьеры заняли прочное место служебных собак. В России во время Великой Отечественной войны они славились как хорошие связисты благодаря наличию ярко выраженного ориентировочного рефлекса и хорошей пространственной ориентации.

В настоящее время это легко дрессируемая собака-компаньон, пригодная для любого вида службы и спортивного применения. Часть эрдельтерьеров по-прежнему сохраняют дух воинов и охотников.

О русских овчарках, охранявших овечьи отары, писали собаководы XIX – начала XX в. Н.П. Основский и А. Федорович (Шенец), а также Л.П. Сабанеев. Правда, их описания несколько разнятся (стоячие или висячие уши, степень растянутости корпуса, размеры). Сходятся авторы в одном: это были собаки, обладавшие брудастостью. Позднее закрепился такой отличительный признак, как плотная длинная шерсть с густым подшерстком, сваливающимся

в войлок. По поведению собаки являлись скорее караульными, чем пастушьими, способными к умелому обращению с отарой или стадом: все авторы дружно отмечали наличие у собак злобности.

«Русская овчарка своим видом и злобностью наводит страх и на людей, и на зверей, – написал Основский и добавил: — У нас на юге, в степных местностях, где развито овцеводство и где встречаются замечательные экземпляры овчарок обыкновенно при отаре в 400–500 голов, держат 4–5 собак». «Защищая стадо от волков, она смело вступает с последними в драку и нередко отнимает у хищников добычу», – вторил ему Федорович (Шенец). С поселением на юге России немцы-колонисты в XVIII в. вместе с мериносными овцами завезли астурийских (каталонских) овчарок, которых скрестили с местными собаками – татарской овчаркой, борзыми (крымской, происшедшей от горской, а возможно, и псовой); позднее на становление породы мог повлиять завезенный из Германии овечий пудель.

Собака породы южнорусская овчарка впервые была показана на Международной выставке в Париже в начале XX в. Ф. Э. Фальц-Фейном, владельцем легендарного имения с зоо- и дендропарком Аскания-Нова. Фальц-Фейн не только владел знаменитейшим парком, но и разводил овец-мериносов, поэтому ему были нужны собаки и караульные, и пастушьи.

Путь становления пастушьей породы, вероятно, выглядит так.

Сначала собаки охраняли скот и места стоянок человека от хищных зверей и грабителей и лишь со временем стали помогать ему пасти стадо, сгоняя копытных в кучу, направляя их движение в нужном для человека направлении, отыскивая и возвращая отбившихся животных, и даже пасли стадо в отсутствие человека. Именно тогда и формировался интеллект этих собак. Хотя они, возможно, и сопровождали скотоводов-кочевников, но настоящая пастушья служба могла появиться только с возникновением ценного, породистого скота и сокращения пространства пастбищ. А это произошло довольно поздно: в Европе ближе к XVIII в., в России – еще на век позднее.

Что касается южнорусской овчарки, то эта порода в XX в. почти полностью погибала дважды: первый раз сразу после революции 1917 г., второй – после Великой Отечественной войны. Каждый раз породу восстанавливали путем вынужденной метизации с другими породами собак. Третий этап метизации пришелся на конец XX в. По сути дела, это было не восстановление, а реконструкция породы, наподобие реконструкции ирландского волкодава.

До середины XX в. южнорусские овчарки еще использовались как пастушьи, но к 70-м годам разводились в основном военными и ведомственными питомниками и использовались преимущественно как караульные собаки. При этом отбор шел в сторону повышения агрессии к человеку. Охрана собаками промышленных и военных объектов на свободном окарауливании, с одной стороны, повышала их территориальность, но с другой – сохраняла способность к самостоятельному решению. Отбор на максимальную злобность и недоверчивость к посторонним оказался палкой о двух концах: собаки были надежны, но, признав вожаком одного человека, вырастившего и выдрессировавшего их, плохо подчинялись другим людям. Это ограничивало их дальнейшее использование в питомниках. (Точно так же, как и фактура шерсти, которая не только защищает собаку, но и требует ухода.) Поэтому поголовье «южаков» никогда не было большим. И их переход в частные руки был вполне закономерен и необходим для сохранения и дальнейшего совершенствования породы.

Характеристика породы как неуправляемой и непредсказуемой говорила о том, что в результате селекции удалось не только сохранить первоначальную злобу, но и усилить ее, вероятно получив некоторое количество собак-сверхдоминантов. Работавшим с ними дрессировщикам так и не удалось утвердить собственное превосходство, которое, кстати, достигается отнюдь не одной грубой силой, а умением найти правильный подход и знанием особенностей поведения.

В настоящее время рабочие качества собак перестали проверяться вообще. Непродуманная метизация привела к дестабилизации поведенческих признаков, появлению животных со слабой нервной системой. Как трусливые, так и слишком злобные собаки оказались неудобны, особенно в условиях городского содержания и резкого снижения качества дрессировки. У одних владельцев возникают сложности с курсом общего послушания, у других собаки не идут на свободное задержание. При продаже этих собак за рубеж требования, предъявляемые к ним, изменились кардинально: понадобились собаки-компаньоны с добродушным нравом. Хотя рабочие качества южнорусских овчарок, оставшихся в России, вполне позволяют использовать их для охраны квартир, загородных коттеджей или личной охраны. Они оказываются значительно более приспособленными к нашим условиям, чем другие крупные породы иностранного происхождения.

Проблема бродячих собак

Ни для кого не секрет, что у нас много бродячих собак. Откуда они берутся? Сейчас в большинстве своем рождаются от таких же бродячих собак. В меньшем количестве их ряды пополняются за счет потерянных и выброшенных животных. Культура отношения к животным у нас далеко не на высоте...

Тридцать лет назад наша семья получила квартиру в районе Дегунино. Поблизости от наших пятиэтажек находились остатки деревни Коровино, давшей название проведенному рядом шоссе. Жители деревни получили квартиры, и никто – никто! – из них не взял с собой своих собак. Так и жили с десяток разномастных дворняжек на участке пустыря возле полуразрушенных домов. Ходили добывать пищу на помойки, к столовой детской больницы, к железнодорожной станции Моссельмаш, а потом возвращались на свою территорию. А жители пятиэтажек, считавшихся тогда новостройками, вынуждены были пересекать пустырь, чтобы попасть в более обжитой район, где имелись магазин, аптека, сберкасса... Людей, которые не боялись собак, эти дворняжки не трогали. Но как же они набрасывались на тех, кто проявлял малейшую неуверенность! И они были вправе делать это – охранять свою территорию, хотя в собачьих услугах их бывшие хозяева уже не нуждались...

Очень часто кто-нибудь из рабочих приносит на стройку, склад, в гаражи одного-двух маленьких щенков. С ними изредка играют, их даже кормят, но настоящей ответственности за этих собак никто не несет. Через некоторое время собачья стая может пополниться – к ней прибьются еще один-два беспризорных пса или подросшая сука ощенится где-нибудь под бытовкой. И, охраняя свою территорию, собаки будут выскакивать и лаять на прохожих, особенно с собаками.

Ядром сообщества безнадзорных животных может стать сука с разновозрастными щенками, иногда пара собак – кобель и сука. В конце концов, поблизости от кормовых мест складывается целая собачья колония. Сердобольные жители подкармливают собак, другие панически их боятся, а кто-то может проявлять чудовищную жестокость, выставляя напоказ свои душевные комплексы.

Существование собачьих колоний считается признаком антисанитарии. Отлов и уничтожение бродячих животных – общепризнанная жестокость, на создание хорошо оборудованных приютов ни у кого нет денег – ни у властей, ни у отдельных благотворителей. Принятая властями Москвы программа по стерилизации сук и выпуску их в места прежнего обитания, по сути дела, является утопией.

В разных странах к этой проблеме относятся по-разному. На Ближнем Востоке до последнего времени существуют целые колонии собак-париев весьма древнего происхождения. Они одичали вторично, как и динго в Австралии. Только динго ведут совсем дикий образ жизни, заполнив экологическую нишу хищников, которые на этом континенте практически исчезли. То есть крупных хищников не было вообще, сумчатый волк был истреблен, а более мелкий сумчатый дьявол стал редкостью. Собаки-парии ведут синантропный образ жизни: селятся на окраинах человеческих поселений и питаются отходами. Сейчас из них выведена порода со своим стандартом. Выходит, они не только одичали вторично, но и были как бы одомашнены вторично!

В Италии собачьи сообщества процветают в древних развалинах, взимая дань с туристов: они кормятся вокруг кафе и ресторанов.

Я наблюдала таких бобиков — весьма сытых и довольных жизнью, — спасавшихся от жары и мирно спавших в ваннах римских патрициев, оставшихся на месте Помпей, разрушенных извержением Везувия. А двое кобелей, не стесняясь экскурсионной группы, устроили замечательную драку: побежденный с позором бежал, а победитель радостно приласкался к какому-то туристу, которого видел впервые в жизни.

В Германии и Великобритании бродячих собак нет. Зато издавна есть приюты. Но как писал еще в первой половине XX в. ветеринар Д. Хэрриот, собак в приюты помещали временно: если в определенный срок не находился хозяин, их усыпляли.

Очень много бродячих собак в Таиланде.

Помнится, из окна экскурсионного автобуса в Бангкоке я насчитала за двадцатиминутную поездку двенадцать штук. Все они вертелись вокруг открытых кафе. Кроме того, собаки вольготно отдыхали на аккуратно подстриженной травке в королевском парке Суан Луонг. В древней столице Сиама, Аютии, рядом с подножием одного из Будд, лежало его четвероногое воплощение, и не какое-нибудь, а носитель мутации бесшерстности, т. е. совершенно голый песик размером с хорошую овчарку! На принадлежащем Таиланду острове Самуи собаки обитали на многочисленных рынках и возле китайских кухонь. Буддистское население относилось к ним очень хорошо, все они были хотя и ничейные, но в ошейниках, сытые — им ставились многочисленные мисочки с отходами. По местным поверьям,

собаки способны отгонять злых духов, поэтому ни один торговец не прогонял от себя животное, если оно облюбовывало место поблизости от его лотка. И еще за десять дней пребывания в Таиланде я не видела ни одного проявления агрессивного поведения собак к людям! По фенотипу собаки были самыми разными помесями, но чаще короткошерстные, со стоячими ушами и хвостом-крючком. Попадались носители гена бесшерстности (очевидно, сказывалось влияние китайских голых собачек) и собаки с риджем (щетинистым ремнем на спине, по которому шерсть растет в противоположном направлении). Может быть, они и охраняли свою территорию от потусторонних сил, но от людей – нет. А вот в Малайзии, где преобладало мусульманское население, бродячих собак я не видела вообще, за исключением острова Пинанг, где проживали преимущественно этнические китайцы. Там одна из сук продемонстрировала то же поведение, что и беспризорные собаки в Москве. Ей надо было пересечь чужую территорию, где возле кафе жили две другие дворняги. И тогда она приласкалась к случайной паре туристов, двигавшихся в нужном направлении, и проследовала за ними, как будто она их собака! Дворняги молча проводили ее взглядами, а через сто метров, когда опасность миновала, сообразительная собака покинула своих покровителей и затрусила по своим делам.

Можно жалеть московских собак, а можно отнестись к ним как к данности. Исследования, проведенные в НИИ проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, показали, что они скорее являются частью экосистемы мегаполиса. Популяция бездомных собак на настоящее время составляет около 25 тысяч особей и достаточно стабильна. Часть собак (особенно щенков и молодых) погибает от болезней, часть – от старости. Отлов животных, по сути дела, ничего не меняет: на место одних тут же приходят другие. А миграция способствует распространению эпизоотий. Прокормиться безнадзорным собакам помогают многочисленные рынки и пищевые точки, возле которых остается множество отходов, а также обитающие повсюду крысы. Бродячие собаки ловят их, т. е. у них сохраняются охотничьи инстинкты. Правда, при изобилии пищевых отходов бродячие собаки, как правило, крыс не едят. К сожалению, кроме крыс они убивают также детенышей пятнистых оленей в городском национальном парке «Лосиный остров». Поведение бродячих собак невероятно пластично, они, как известно, освоили московское метро и не только греются в нем зимой или даже спят на сиденьях, а точно знают, на какой станции им выходить! Выходят они обычно возле рынков, там, где больше отходов. А потом возвращаются в свои «спальные районы».

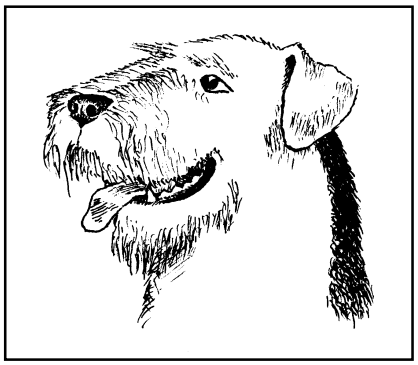
Глава 18 ЧЕЛОВЕК И СОБАКА

Ответственность за тех, кого приручил

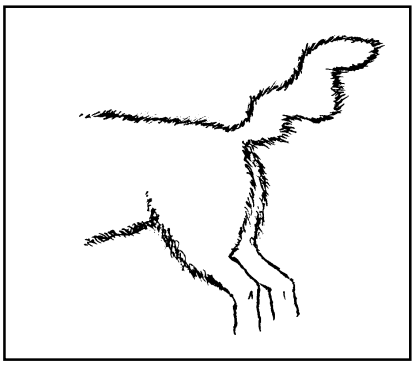
«...Но мало кто способен предвидеть проблемы, которые могут возникнуть из-за того, что они взяли в дом щенка», – писал Дж. Фишер в книге «О чем думает ваша собака».

Приобретая щенка, мы перемещаем его из сообщества собак в сообщество людей, которое заменяет ему сначала семейную группу, а потом стаю. Между человеком-хозяином, членами его семьи и собакой складываются настоящие стайные отношения, о чем человек иногда и не догадывается.

Радостное настроение собак

Губы растянуты от возбуждения, уши не прижаты

Виляющий хвост

Представители агрессивных по своему предназначению пород могут начать ранжироваться с ним, тогда возможны конфликты, а если хозяину не удается стать доминантом, то и трагедии. Даже если собака впрямую не проявляет агрессии к хозяину и членам его семьи, но никак не управляется владельцем, она может представлять опасность для окружающих.

Противоположная крайность – собака, которая боится своего хозяина или подавлена искусственной системой информации. Она лишена инициативы, теряется в незнакомой обстановке.

Основы гармонии между человеком и собакой закладываются

на понимании того, что собака – это собака, со своими собственными представлениями об окружающем мире и потребностями, характерными для представителей ее вида.

Очеловечивать собаку – значит приписывать ей качества, которых у нее нет, и лишать ее того, в чем она нуждается. Собаки достойны нашей любви! Но выражаться она должна понятным для них языком. Долгая прогулка по новым местам лучше лишней миски с любым разрекламированным кормом, а возможность поиграть с другими собаками лучше дорогого ошейника, работа на дрессировочной площадке или участие в спортивных состязаниях (аджилити, буксировке лыжника и пр.) лучше получасового выхода на улицу – от дома до магазина и обратно – или лежания на террасе в ожидании хозяина, увлеченно копающегося на грядках.

Не стоит заводить охотничьи породы, не являясь охотником, или служебных собак, если нет возможности их дрессировать. «Диванная» борзая, ни разу не побывавшая в поле, или фокстерьер, гоняющийся во дворе за кошками, кавказская овчарка, лишенная участка для охраны, или восточноевропейская овчарка и ризеншнауцер, ни разу не проявившие всю свою сообразительность во время работы, далматин, которому не дают всласть побегать, – это все примеры человеческой жестокости, проистекающей от незнания и упорного нежелания понять собаку.

Зачем надо дрессировать собаку?

Многие новички приобретают собак престижных пород, пребывая в приятном заблуждении, что послушное поведение прилагается вместе с родословной. Им кажется, что собака сама, без всяких усилий со стороны хозяев станет понимать их с полуслова: подбегать на зов, не тянуть за поводок, подавать тапочки, а – не приведи бог! – случатся воры, так и задержать их без малейших усилий, да и вообще на каждом шагу она начнет проявлять ум и сообразительность, чтобы угодить хозяину. Зато другие приобретают четвероногих питомцев, совершенно не представляя, какими те могут стать, и неуправляемость собаки принимают за норму.

Иногда владельцы ждут от своей собаки человеческих поступков, но действительность не совпадает с ожиданиями. Если домашний любимец и проявляет ум и сообразительность, то только тогда, когда пытается добиться чего-то своего: добыть запретную вещь или удрать и всласть побегать по помойке, т. е. перехитрить хозяина. Причем сложности могут возникнуть с представителями любых пород – от кавказской овчарки до таксы.

За примерами далеко ходить не надо, их можно увидеть в любом дворе.

В нашем подъезде жила пожилая чета, приютившая спаниельку, то ли потерянную, то ли выкинутую. Эта маленькая собачка быстро освоилась на новом месте и сделалась грозой всего дома. Конечно, такое поведение для спаниелей не является нормой. Она бросалась на детей и других собак, провоцируя многочисленные конфликты. Собственные хозяева жили в постоянном страхе: они не только не могли вычесать ей шерсть (не говоря уже о более серьезной ветеринарной помощи), но даже и пристально посмотреть на нее. Намучившись, эти люди постарались избавиться от собаки.

А однажды я наблюдала за дамой, которая три часа кряду ловила свою маленькую собачку, метиса пуделя. Ей помогли случайные прохожие, которые ухватили беглянку за болтавшийся поводок, а дама воскликнула, прижимая к себе свое сокровище: «Она же у меня такая глупенькая!» При этом в ее голосе слышалась нескрываемая гордость... Я бы на ее месте сгорела со стыда. Не понимаю, как предметом гордости может служить невоспитанность собственной собаки!

А сколько владельцев кавказских овчарок или ротвейлеров, издали заметив человека с другой собакой, громко кричат: «Куда вы идете?! Не подходите к нам!» Некоторые из них срочно привязывают своих любимцев (или мучителей?) к деревьям, зная, что не удержат поводок в руках. А почему, спрашивается, я должна обходить их со своей послушнейшей собакой?! Зачем эти неразумные люди заводили собаку, с которой не могут справиться?!

Сейчас в Москве очень много далматинов. Это красивые, нарядные собаки с изящными, быстрыми движениями. Еще бы! Порода выводилась специально для того, чтобы сопровождать почтовые дилижансы и кареты с путешественниками.

И вот владельцы этих собак, посмотрев трогательный фильм про далматинов, холят и лелеят их, крутясь вместе с ними на маленьком пятачке двора, опасаясь спустить с поводка: у них нет никакой гарантии, что собака вернется. А ведь это одна из пород, которая нуждается в большом количестве движений!

Всю жизнь водить собаку на поводке, не давая ей побегать и поиграть с другими собаками, жестоко по отношению к ней. Пассивно болтаться на другом конце поводка мучительно и унизительно для самого хозяина. Но многие люди так и живут! Другое

дело, что отпускать своего любимца надо в таких местах, где он не станет мешать прохожим, а прохожие ему.

При этом надо заметить, что обученные собаки ходят рядом, не натягивая поводка. Их можно отпустить погулять, они в любой момент вернутся по команде «ко мне». Они терпеливо, без лая и поскуливания, ждут своих владельцев у магазинов или аптеки (только оставлять их следует не на самом ходу, а где-нибудь в стороне; они не только не убегут и ни на кого не набросятся, но и не дадут себя увести). Они способны сторожить вещи на вокзале, пока хозяин берет билеты. И спокойно едут в любом транспорте.

Дрессировать необходимо собак любых пород – больших и маленьких. Во время дрессировки хозяин учится лучше понимать своего питомца, а питомец – максимально проявлять свою природную сообразительность. Нет глупых собак, а есть ленивые хозяева. Не надо ссылаться на отсутствие времени: собаке требуется в день как минимум три прогулки по полчаса каждая. Если каждый день во время одной из прогулок выделять десять минут на дрессировку, этого будет вполне достаточно. Но один раз в неделю надо водить собаку на дрессировочную площадку или заниматься под контролем опытного дрессировщика. Нельзя для дрессировки отдавать собаку в чужие руки: она станет слушаться того, кто ее дрессировал, а не хозяина. Задача дрессировщика – показать хозяину, как надо обучать собственную собаку, и помочь в выработке отдельных навыков. Таким командам, как «место», «ко мне», следует учить щенка с 3-4 месяцев. Дрессировать собаку можно в любом возрасте, даже совершенно взрослую, но лучше начать с 6-8 месяцев, тогда успех будет достигнут быстрее. Хотя для некоторых, поздно созревающих пород, нужный результат отодвинется до 2 лет.

Дрессировка – это выработка у собаки определенных навыков, нужных человеку.

Те навыки, которым можно научить собаку, не противоречат ее природе. Сидеть, лежать или стоять, трогать человека лапой или охранять территорию – вполне естественные действия, которые наш питомец способен выполнять по собственному почину. При дрессировке они просто-напросто связываются с определенной командой. Научить собаку действиям, не характерным для нее, например умываться лапой, как кошка, невозможно. Поэтому дрессировка не стесняет свободу животного, а расширяет диапазон взаимопонимания с человеком.

Одним людям бывает достаточно, чтобы их собаки приходили на зов. Другим нужно, чтобы четвероногие друзья охраняли квартиру, машину, их самих и членов их семьи. Для этого закрепляется агрессия. *Ни в коем случае нельзя вызывать у собаки агрессию, не обучив ее предварительно общему послушанию. С такой собакой сам же хозяин рискует не справиться.* Кстати, агрессивную собаку следует непременно обучить какому-либо виду службы, где агрессия будет востребована. Тогда она примет управляемый характер. *Чем большему количеству навыков обучается собака, тем ей интереснее жить.* В некоторых зоопарках животных специально обучают для того, чтобы им не было скучно сидеть в клетках. Животным, как и людям, хочется решать сложные задачи и время от времени хвастаться своим умением. Хорошо выдрессированная собака служит предметом гордости своего хозяина. Со многими собаками можно работать всю жизнь, напоминая им те или иные навыки или обучая их чему-нибудь новому: у собак, как и у людей, обилие информации отдаляет старение.

Одной из пород, с которой можно работать всю жизнь, является ризеншнауцер.

Пятнадцать лет назад у меня была собака, обученная трем собачьим «образованиям»: общему курсу дрессировки, защитно-караульной и розыскной службам. И оказалось, что ни одно из знаний не было лишним! Три раза она находила потерянные мною вещи. Один раз ей пришлось обыскать по всем правилам, бегая челноком, полтора километра леса, где мы собирали грибы, чтобы найти поводок, который я обронила в густом ельнике.

В другой раз она отыскала часы моей знакомой. У часов оборвался ремешок, и они незаметно соскользнули в траву. Мы не помнили, где это произошло, а собака вернулась по нашим следам и достала их из травы, как фокусник достает кролика из шляпы. При этом держала их аккуратно, за кончик ремешка, как будто понимала, что часы — вещь хрупкая.

Мы так расхвалили ее, что спустя месяц она нашла и принесла совершенно чужие часы, потерянные уже совершенно незнакомым прохожим. По его следу довела нас до автобусной остановки, тогда стало ясно, что владелец часов уехал на автобусе, вернуть часы хозяину не удалось.

В турпоходе Грета защитила целую группу туристов от пьяных хулиганов. На одной из стоянок к нам привязалась пьяная компания. Инструктор честно предупредил женщин (их, как всегда, было больше, чем мужчин), что не станет ни во что вмешиваться, а то, когда он следую-

щий раз пойдет эти маршрутом, с ним рассчитаются. И Грета не подпустила к палаткам четырех нападающих. Она легко вырывала из их рук палки и ломала их, будто те были спичками. Необученная собака в подобной ситуации, скорее всего, ограничилась бы лаем, а то и вообще сбежала. Грета же стояла насмерть. Больше всего нападавших хулиганов поразило то, что собака их не боится. Их нервы сдали, и они обратились в бегство.

Зимой собака катала меня на лыжах. Это был единственный вид службы, который я не стала сдавать. Хотя собака знала команды «вперед», «влево» и «вправо», но предпочитала выполнять их со всей присущей ризеншнауцерам страстностью... Сворачивала она так резко, что я частенько оказывалась в сугробе. Пока я поднималась, собака весело скакала вокруг – по-моему, так у нее проявлялось чувство юмора... Но, пожалуй, зря я не довела начатое дело до конца: ризеншнауцеры успешно участвуют в спортивных состязаниях – и в буксировке лыжника, и даже в гонках собачьих упряжек.

Основы дрессировки

Дрессировка собак строится, как правило, на выработке условных рефлексов путем оперантного, или инструментального, обучения.

Полезные навыки могут вырабатываться только при наличии той или иной мотивации – пищевой, игровой, социальной. Скажем, сытая собака не станет работать за кусочек лакомства, зато ее можно обучить, заинтересовав игрой. Кроме того, сам дрессировщик является сложным комплексным раздражителем для собак, и общение с ним – это тоже вариант мотивации (социальной).

Существует два основных метода дрессировки собак – моделирование поведения и подражание.

Моделирование поведения включает все традиционные приемы дрессировки.

При *механическом способе* мы нажимаем собаке левой рукой на круп, чтобы она села. Обучение с помощью чередования положительного и отрицательного подкрепления называется *контрастным методом*. Так, например, отрабатывается команда «рядом»: сначала следует команда, потом рывок за поводок (отрицательное подкрепление, см. ниже) и, если собака прошла некоторое время рядом с дрессировщиком, не натягивая поводок, поощрение в виде лакомства или слов «хорошо», т. е. настоящее и условное положительное подкрепления (см. ниже). Оба типа подкрепления относятся к разным действиям собаки: нужное нам

мы подкрепляем положительным, нежелательное – отрицательным. Команды «апорт» или «голос» отрабатываются, когда собака сама случайно взяла в пасть брошенный предмет или залаяла, услышав, скажем, как лают другие собаки. Правда, мы провоцируем собаку взять предмет, играя с ней, или залаять, дразня лакомством. Мы произносим команду и поощряем собаку до тех пор, пока из случайного выполнение не станет условно-рефлекторным.

При *подражательном методе* собака повторяет действия либо другой, уже обученной собаки, либо самого дрессировщика. Последнее применяется при преодолении препятствий или плавании.

Управляется собака с помощью различных *раздражителей*, или *стимулов*. Иначе говоря, мы должны выработать условный рефлекс на тот или иной раздражитель. Причем раздражителем может служить абсолютно все, что воспринимается органами чувств собаки: свет, звук, запах и т. д., – хотя чаще всего используют звуковые команды или жесты.

Интенсивность стимула и его кратность зависят от индивидуальных особенностей собаки. Если это голосовая команда, надо стремиться, чтобы собака работала на спокойную интонацию и выполняла требуемое с первой команды. Обыкновенно наши четвероногие любимцы прекрасно разбираются в настроении хозяина, до какого момента можно испытывать его терпение.

Подкрепление того или иного действия – это целая наука. *Подкрепление* может быть *положительным* или *отрицательным*. Положительным подкреплением мы помогаем образованию навыков нужных нам действий, а с помощью отрицательного – пресекаем нежелательные действия. Отрицательное подкрепление – это не наказание, а немедленное прерывание нежелательного действия. Скажем, запрещение «фу!» и рывок за поводок, если собака пытается съесть подобранную на помойке косточку. Наказание следует после неправильного действия. Хотя у собак есть так называемое отсроченное обучение (они могут связать причину и следствие, если те разорваны во времени), но лучше не обращаться к наказанию, а ограничиться отрицательным подкреплением.

Кроме того, подкрепление делится на *условное* и *истинное*. Например, истинным подкреплением является поглаживание собаки или лакомство, а условным – похвала ласковым голосом: «Хорошо». Условным подкреплением может служить любой сигнал, вплоть до времени. Иногда в его качестве выступают такие

факторы, которые самим дрессировщиком не осознаются, – его мимика и жесты. То есть часто хозяин сам подсказывает собаке правильное решение, но не понимает этого. Условным отрицательным подкреплением является запрещающая команда «фу!». Для некоторых собак команда «фу!» с угрожающей интонацией в момент совершения нежелательных действий служит отрицательным подкреплением, а после их совершения превращается в наказание. Для собак с более устойчивой психикой требуются и более жесткие меры: рывок за поводок, шлепок; вполне естественный для всех псовых способ – схватить за шкирку и потрясти.

В книге уже упоминавшегося Дж. Фишера описано удачное применение звенящих дисков (их можно заменить цепочкой или даже консервной банкой, набитой шурупчиками!) – собаки отвлекаются на производимый ими звук. По сути дела, этот звук играет роль условного подкрепления, действуя иногда сильнее, чем звук человеческого голоса.

Стимул и подкрепление на уровне условного рефлекса могут сливаться по значению. В большинстве случаев положительное подкрепление дается после совершения действия (например, когда собака подала в руки дрессировщику апортируемый предмет, но никак не раньше). Однако в некоторых случаях оно именно подкрепляет еще несовершенное действие (например, собака боится идти по буму или лестнице, но идет, и тогда ее следует подбодрить словом «хорошо»). Следовательно, дача подкрепления зависит от ситуации и особенностей данной собаки. Одним достаточно условного, другим необходимо истинное подкрепление. Кстати говоря, общение с человеком – это тоже подкрепление, социальное.

В начале обучения подкрепление должно быть более или менее регулярным, а вот дальше – случайное подкрепление оказывается более эффективным. *Случайное подкрепление* – это подкрепление, даваемое животному в случайном порядке, т. е. один раз за выполнение нескольких команд, разделенных разными промежутками времени. Чем подкрепление следует реже и в максимально непредсказуемом порядке, тем дольше длится нужное поведение и тем четче выполняются команды. Интенсивное подкрепление – как положительное, так и отрицательное – сбивает собаку с толку при выработке и выполнении сложных дифференцированных навыков, например при выборке вещей. В результате же неправильных действий некоторые собаки работают лишь

при подсказке дрессировщика. Во всех случаях, как уже говорилось, подкрепление – вещь сугубо индивидуальная.

При выработке сложных навыков следует помнить следующие правила:

● Сложный навык следует разбить на этапы и отдельно отрабатывать каждый этап.

● По первому разу подкреплять любой, даже не очень четкий результат.

● Чередовать методы. Пример. Обучение апортировке. Главное – это заинтересовать собаку предметом, который она должна взять в пасть. Игра как метод подражания: зашитая в тряпки косточка или вещи, сильно пахнущие хозяином, – вот некоторые из целого ряда приемов.

При общении с собакой хозяину часто приходится избавляться от нежелательных реакций, т. е. заниматься гашением ненужных условных рефлексов. Этого добиваются следующими способами:

● Использовать положительное и отрицательное подкрепления.

● Стараться связать нежелательное поведение с определенным сигналом, т. е. сделать командой. Пример. Много и бестолково лающая собака, обученная подавать голос по команде, начинает лаять меньше – зачем же «работать даром»? – если в нужный момент получает поощрение.

● Вызывать несовместимое поведение, дав другую команду. Пример. Если у собаки отсутствует выдержка – она срывается за апортом без команды, – можно предварительно скомандовать ей: «сидеть», «лежать», «стоять» и пр.

● Сменить мотивацию, выяснив, что лежит в основе нежелательного поведения. Об этом хорошо сказано в книге американской дрессировщицы К. Прайор «Не рычите на собаку». Правда, при переводе допущена смысловая ошибка: рычать-то на собаку как раз можно – это ей понятно! Можно даже укусить, если у вас получится. В оригинале стоит глагол «бросаться, швыряться» – скорее всего, автор имел в виду «Не срывайтесь на своей собаке», – но это звучало недостаточно литературно с точки зрения русского языка.

При любой дрессировке следует помнить об индивидуальных особенностях собак и искать к каждой из них индивидуальный подход. Описанные в десяти справочниках приемы могут привести к успеху у девяти собак из десяти и начисто не годятся для десятой.

Еще академик И.П. Павлов выделил четыре типа высшей нервной деятельности у собак:

возбудимый – с преобладанием процессов возбуждения и слабым торможением;

сильный, уравновешенный, подвижный; процессы возбуждения и торможения сбалансированы, собаки легко поддаются любой дрессировке;

инертный – с преобладанием процессов торможения;

слабый, неуравновешенный, противоположный первому; у собак, которые обладают таким типом нервной системы, сильные раздражители часто вызывают запредельное торможение.

Первые три типа относились к сильному типу нервной системы, а последний, 4-й, — к слабому.

Хотя деление на подобные типы, согласно особенностям нервной системы, весьма условно и кое в чем устарело, его все еще можно принимать за основу.

У возбудимых собак легко вырабатываются условные рефлексы. Они не выносят повторов, дрессировку их необходимо разнообразить игрой, а подкрепление лучше действует случайное. Это относится в первую очередь к навыкам, основанным на дифференцировке: скажем, если затвердить команду «место» путем многочисленных повторов можно, а так называемый «комплекс» (чередование команд «сидеть», «лежать», «стоять» жестом и голосом на расстоянии) – уже сложнее, то выборку вещи вообще нельзя.

Меньше всего проблем возникает с собаками 2-го, уравновешенного, подвижного типа нервной системы. К ним подходят все методы обучения.

Собаки инертного типа обучаются медленно, но условные рефлексы у них вырабатываются более прочно и реже угасают. С такими собаками возможны длительные механические повторы навыка с постоянным подкреплением.

Обучение собак слабого типа нервной системы требует большого терпения и поиска индивидуальных методов работы. Общей рекомендацией является минимальное использование механического воздействия и почти полный отказ от отрицательного подкрепления.

У одних собак преобладает пищевая реакция, и лучшим подкреплением для них является лакомство. Однако при выработке сложных дифференцированных навыков от него часто приходится отказываться и поменять на условное подкрепление, так как

подобные собаки слишком сильно отвлекаются на еду и перестают думать о том, что им надо делать.

У других собак преобладающей является ориентировочная реакция, и они отвлекаются на посторонние раздражители. Им следует дать возможность ознакомиться с обстановкой либо переключить их на еду или игру, прежде чем обучать и требовать выполнения уже выработанных команд.

Для агрессивных собак лучшим подкреплением зачастую служит удовлетворение агрессии, что не всегда возможно в реальных условиях (единственной командой, которая ее подкрепляет, является задержание). Таких собак приходится отвлекать от агрессивных устремлений лакомством или игрой либо жестко запрещать ненужное проявление агрессии.

Коррекция поведения

Обучение собак различным навыкам, как правило, основано на нормальном поведении четвероногого любимца. А если у него образовались дурные привычки, т. е. естественное поведение перешло незаметную границу нормы? Как справиться с ситуацией? Если владелец воспитал уже не одну собаку, он без труда может представить, с каким именно отклонением он столкнулся, и найти индивидуальный подход к обучению «трудной» собаки, снизив, таким образом, проявление нежелательных реакций. Если же хозяин – новичок, то он зачастую оказывается не просто в затруднительном, а прямо-таки в отчаянном положении! Четвероногий «друг» ввергает его в пучину неприятностей, и тут уж без консультации специалиста не обойтись. Однако окончательное решение, что делать: избавляться от собаки или медленно и упорно исправлять ошибки, допущенные ранее, или смириться с тем, что есть, и приспособиться самому, – принадлежит владельцу, точнее, зависит от его способностей и возможностей. Помощь и совет специалиста бывают неоценимы, но кто лучше самого хозяина знает (или предполагает, что знает) свою собаку и понимает (или думает, что понимает), что ему самому нужно?

Конкретные примеры, приведенные ниже, помогут читателям лучше усвоить теорию, а в некоторых случаях – узнать свою собаку: «Ну точно такие же проблемы, как с моей!»